

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> приятного чтения!

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков

Арифметика – Начинается! – прохрипел запыхавшийся генерал, взбежал на 6-й этаж к "блюстителю русского престола" Кириллу.

Кирилл побледнел и, выпустив из рук насос примуса, который он накачивал, прошептал:

– Уже?

Запыхавшийся генерал сразу отпыхался.

– Помилуйте, ваше высочество, – отрапортовал он, – не так понять изволили. Не погромы начинаются, а реставрация-с!

Кирилл молниеносно пришел в себя.

– Не... не может быть!

– Честное слово.

– В России?

– Пока, ваше высочество, только в Германии. Кронпринц приехал, Вильгельм возвращается. Штреземан на этот счет так прямо и выразился: не позволю, говорит, чтобы хоть один немец оставался за границей...

– Ну?

– Ну и вот, ваше высочество... Мы так полагаем: сегодня Германия, а завтра и Россия. Ведь это – как эпидемия-с. Революция – эпидемия. И реставрация – эпидемия. Стоит только начать.

Вечером, когда к Кириллу заехали фрау Кускова и герр Милюков, чтоб узнать, когда его высочество собирается выехать, они застали странную картину.

Кирилл и генерал сидели на полу, засыпанные обрывками бумаг, и на полях какой-то книги лихорадочно множили цифры. От количества нулей рябило в глазах.

– Ехать! – завопил Кирилл в ответ на их почтительные вопросы. – Вы знаете, что это значит: ехать?

– Помилуйте, кронпринц...

– Чего вы мне тычете в глаза вашим кронпринцем! Кронпринц... Кронпринцу хорошо.

Кронпринц гульденами содержание получает. Что ему, кронпринцу? Автомобиль – 10 гульденов. Шоферу на чай – 5 гульденов. Окорок ветчины – 3 гульдена... А мне марками выдают!

– Но, ваше высочество...

– Сам знаю, что высочество... Смотрите сюда: дорога на одного человека – шесть квинтильонов семьсот восемьдесят один квадрильон восемьсот тридцать пять триллионов... и еще мелочь какая-то. Ежели на четверых...

– Отбросим для краткости три нуля, ваше высочество...

– Погодите вы с тремя нулями... Бутербродов надо наделать? Кладите полбильона на бутерброды. Сорок восемь бильонов сто семьдесят два мильона четыреста шестьдесят тысяч триста восемьдесят два... Ладно. Папирос надо взять...

– Рано изволили начать курить, ваше высочество... Хе-хе...

– Пошутите еще! Если десять папирос – четыре бильона двести двадцать один миллион четыреста...

– Кладите ровным счетом квадрильон! – сказал Милюков и снял пальто. Позвольте, я это сейчас, ваше высочество. Двойной бухгалтерией...

– В германских газетах писали, – докладывал группе друзей русской монархии Милюков, – что попытка вел. кн. Кирилла вернуться в Россию свелась к нулю. Это, прежде всего, неверно фактически... Я сам принимал участие в приготовлениях к поездке его высочества и могу засвидетельствовать, что означенная поездка свелась к трем секстильонам пятидесяти пяти квинтильонам трехсот двадцати одному триллиону семидесяти восьми бильонам ста шестидесяти семи миллионам двумстам пятидесяти одной тысяче восемьсот двадцати четырем нулям...

Но мы, "Дрезина", держимся на весь этот счет иного мнения. Все это астрономическое количество нулей мы – применительно к реставрационным возможностям Кирилла – беремся свести в два счета:

– К двум нулям.

Это будет и по существу и, главное, благовоно. Ол-Райт.

"Дрезина", 1923, э 13. Михаил Булгаков. В ночь на 3-е число Из романа "Алый мах" Пан куренный в ослепительном свете фонаря блеснул инеем, как елочный дед, и завопил на диковинном языке, состоящем из смеси русских, украинских и слов, сочиненных им самим – паном куренным.

– В Бога и в мать!! Скидай сапоги, кажу тебе! Скидай, сволочь! И если ты не поморозив, так я тебе росстриляю, Бога, душу, твою мать!!

Пан куренный взмахнул маузером, навел его на звезду Венеру, повисшую над Слободкой, и двинул гашетку. Косая молния резнула пять раз, пять раз

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
оглушительно весело ударил грохот из руки пана куренного, и пять же раз, кувыркнувшись весело – трах-тах-ах-тах-дах, – взмыло в обледеневших пролетах игривое эхо.

Затем будущего приват-доцента и квалифицированного специалиста доктора Бакалейникова сбросили с моста. Сечевики шарахнулись, как обезумевшее стадо, больничные халаты насели на них черной стеной, гнилой паррапет крикнул, лопнул, и доктор Бакалейников, вскрикнув жалобно, упал, как куль с овсом.

Там – снег холодный. Но если с высоты трех саженей с моста в бездонный сугроб – он горячий, как кипяток.

Доктор Бакалейников вонзился, как перочинный ножик, пробил тонкий наст и, подняв на сажень обжигающую белую тучу, по горло исчез. Задохнувшись, рухнул на бок, еще глубже, нечеловеческим усилием взметнул вторую тучу, ощутил кипяток на щеках и за воротником и каким-то чудом вылез. Сначала по грудь, потом по колена, по шиколотки (кипятки в кальсонах) и наконец твердая обледеневшая покатошь.

На ней доктор сделал, против всякого своего желания, гигантский пируэт, ободрал об колючую проволоку левую руку в кровь и сел прямо на лед.

С моста два раза стукнул маузер, забушевал гул и топот. А выше этажом бархатная божественная ночь в алмазных брызгах.

К дрожащим звездам доктор обратил свое лицо с белоснежными мохнатыми ресницами и звездам же начал свою речь, выплевывая снег изо рта:

– Я дурак. Я жалкая сволочь.

Слезы выступили на глазах у доктора, и он продолжал звездам и желтым мигающим огням Слободки:

– Дураков надо учить. Так мне и надо.

Он стал заочневшей рукой тащить носовой платок из кармана брюк. Вытащил и обмотал кисть. На платке сейчас же выступила черная полоса. Доктор продолжал, уставившись в волшебное небо:

– Господи. Если ты существуешь, сделай так, чтобы большевики сию минуту появились в Слободке. Сию минуту.

Впиваясь в желтые приветливые огоньки в приплюснутых домишках, доктор сделал глубочайший вздох...

– Я монархист по своим убеждениям. Но в данный момент тут требуются большевики. Черт! Течет... здорово ободрал. Ах, мерзавцы! Ну и мерзавцы! Господи... Дай так, чтобы большевики сейчас же вот оттуда, из черной тьмы за Слободкой, обрушились на мост.

Доктор сладострастно зашипел, представив себе матросов в черных бушлатах. Они влетают, как ураган, и больничные халаты бегут врассыпную. Остается пан куренный и эта гнусная обезьяна в алой шапке – полковник Мащенко. Оба они падают на колени.

– Змилуйтесь, добродию! – вопят они.

Но доктор Бакалейников выступает вперед и говорит:

– Нет, товарищи! Нет. Я монарх... Нет, это лишнее... А так: я против смертной казни. Да. Против. Карла Маркса я, признаться, не читал и даже не совсем понимаю, при чем он здесь в этой кутерьме, но этих двух нужно убить, как бешеных собак. Это негодяи. Гнусные погромщики и грабители.

– А-а...так... – зловеще отвечают матросы.

А доктор Бакалейников продолжает:

– Да, т-товарищи. Я сам застрелю их!

В руках у доктора матросский револьвер. Он целится. В голову. Одному. В голову. Другому.

Тут снег за шиворотом растаял, озноб прошел по спине, и доктор Бакалейников опомнился. Весь в снеговой пудре, искрясь и сверкая, полез он по откосу обратно на мост. Руку нестерпимо дергало, и в голове звонили колокола.

Черные халаты стали полукругом. Серые толпы бежали перед ними и сгнули в загадочной Слободке. В двух шагах от пулемета на истоптанном снегу сидел сечевик без шапки и, тупо глядя в землю, разувался. Пан куренный, левой рукой упершись в бок, правой помахивал в такт своим словам маузером.

– Скидай, скидай, зануда, – говорил он.

На его круглом прыщеватом лице была холодная решимость. Хлопцы в тазах на головах, раскрыв рты, смотрели на сечевика. Жгучее любопытство светилось в щелочках глаз.

Сечевик возился долго. Сапог с дырой наконец слез. Под сапогом была сизо-черная, заскорузлая портянка. Свинцовых года полтора пронеслось над доктором, пока сечевик разматал мерзлую тряпку.

"Убьет... убьет..." – гудело в голове, – ведь целы ноги у этого дурака. Господи, чего ж он молчит?"

Не то вздох, не то гул вырвался у хлопцев.

Сечевик сбросил наконец омерзительную тряпку, медленно обеими руками поднял ногу

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
к самому носу куренного. Торчала совершенно замороженная белая, корявая ступня. Мутное облако растерянности смыло с круглого лица пана куренного решимость. И моргнули белые ресницы.

– До лазарету. Пропустить його!

Расступились больничные халаты, и сечевик пошел на мост, ковыляя. Доктор Бакалейников глядел, как человек с босой ногой нес в руках сапог и ворох тряпья, и жгучая зависть терзала его сердце. Вот бы за ним! Тут. Вот он – город – тут! Горит на горах за рекой владимирский крест, и в небе лежит фосфорический бледный отсвет фонарей. Дома. Дома. Боже мой! О, мир! О, благостный покой!

Звериный визг вырвался внезапно из белого здания. Визг, потом уханье. Визг.

– Жида порют, – негромко и сочно звякнул голос.

Бакалейников застыл в морозной пудре, и колыхались перед глазами то белая стена и черные глазницы с выбитыми стеклами, то широкоскулое нечто, смутно напоминающее человеческое лицо, прикрытое серым германским тазом.

Словно ковер выколачивали в здании. И визг ширился, рос до того, что казалось, будто вся Слободка полна воем тысячи человек.

– Что ж это такое?! – чей-то голос выкрикнул звонко и резко. Только когда широкоскулое подобие оказалось возле самых глаз Бакалейникова, он понял, что голос был его собственный, а также ясно понял, что еще секунда человеческого воя – и он с легким и радостным сердцем пустит ногти в рот широкого нечто и раздерет его в кровь. Нечто же, расширив глаза до предела, пятилось в тумане.

– За что вы его бьете?

Не произошло непоправимой беды для будущего приват-доцента только потому, что грохот с моста утопил в себе и визг и удары, а водоворот закрутил и рожу в шлеме, и самого Бакалейникова.

Новая толпа дезертиров – сечевиков и гайдамаков – посыпалась из пасти Слободки к мосту. Пан куренный, пятась, поверх голов послал в черное устье четыре пули.

– Сынняя дывызь! Покажи себе! – как колотушка, стукнул голос полковника Машенки. Шапка с алым верхом взметнулась, жеребец, сдавленный черными халатами, храпя от налезавшей щетины штыков, встал на дыбы.

– Кро-ком рушь!

Черный батальон Синеи дивизии грянул хрустом сотен ног и, вынося в клещах конных старшин, выдавив последние остатки временного деревянного парапета, ввалился в черное устье и погнал перед собой обезумевших сечевиков. В грохоте смутно послышался голос:

– Хай живе батько Петлюра!!

О, звездные родные украинские ночи. О, мир и благостный покой!.....

..... В девять, когда черный строй смел перед собой и уважаемого доктора, и все вообще к черту, в городе за рекой, в собственной квартире доктора Бакалейникова, был обычный мир в вещах и смятение в душах. Варвара Афанасьевна – жена доктора – металась от одного черного окна к другому и все всматривалась в них, как будто хотела разглядеть в черной гуще с редкими огнями мужа и Слободку. Колька Бакалейников и Юрий Леонидович ходили за нею по пятам.

– Да брось, Варя! Ну, чего ты беспокоишься? Ничего с ним не случилось. Правда, он дурак, что пошел, но я думаю, догадается же он удрать!

– Ей-богу, ничего не случится, – утверждал Юрий Леонидович, и намащенные перья стояли у него на голове дыбом.

– Ах, вы только утешаете!.. Они его в Галицию увезут.

– Ну, что ты, ей-богу. Придет он...

– Варвара Афанасьевна!!

– Хорошо, я проаккомпанирую... Боже мой! Что это за гадость? Что за перья?! Да вы с ума сошли! Где пробор?

– Хи-хи. Это он сделал прическу а-ля большевик.

– Ничего подобного, – залившись густой краской, солгал Юрий Леонидович.

Это, однако, была сушая правда. Под вечер, выходя от парикмахера Жана, который два месяца при Петлюре работал под загадочной вывеской "Голярня", Юрий Леонидович зазевался, глядя, как петлюровские штабные с красными хвостами драли в автомобилях на вокзал, и вплотную столкнулся с каким-то черным блузником. Юрий Леонидович – вправо, и тот вправо, влево и влево. Наконец разминулись.

– Подумаешь, украинский барин! Полтротуара занимает. Палки-то с золотыми шарами отберут в общую кассу.

Вдумчивый и внимательный Юрий Леонидович обернулся, смерил черную замасленную спину; улыбнулся так, словно прочел на ней какие-то письма, и пробормотал:

– Не стоит связываться. Поздравляю. Большевики ночью будут в городе.

Поэтому, приехав домой, он решил изменить облик и изменил его на удивление.

Вместо вполне приличного пиджака оказался свэтр с дырой на животе; палка с золотым набалдашником была сдана на хранение матери. Ушастая дрянь заменила

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru бобровую шапку. А под дрянью на голове: было черт знает что. Юрий Леонидович размочил сооружение Жана из "Голярни" и волосы зачесал назад. Получилось будто бы ничего, но когда они высохли и приподнялись... Боже!

- Уберите это! Я не буду аккомпанировать. Черт знает... Папуас!

- Команч, Вождь - Соколиный Глаз.

Юрий Леонидович покорно опустил голову.

- Ну, хорошо, я перечешусь.

- Я думаю - перечешетесь! Колька, отведи его в свою комнату.

Когда вернулись, Юрий Леонидович был по-прежнему не команч, а гладко причесанный бывший гвардейский офицер, а ныне ученик оперной студии Макрушина, обладатель феноменального баритона. Город прекрасный... Го-о-род счастливый!

Моря царица, Веденец славный!..

Ти-и-хо порхает... Бархатная лава затопила гостиную и смягчила сердца, полные тревоги. О, го-о-о-о-род ди-и-вный!! Звенящая лава залила до краев комнату, загремела бесчисленными отражениями от стен и дрогнувших стекол. И только когда приглаженный команч, приглушив звук, царствуя над коренными аккордами, вывел изумительным меццо: Месяц сия-а-а-е-т с неба ночного!...и Колька и Варвара Афанасьевна расслышали дьявольски грозный звон тазов.

Аккорд оборвался, но под педалью еще пело, "до", оборвался и голос, и Колька вскочил как ужаленный.

- Голову даю наотрез, что это Василиса! Он, он, проклятый!

- Боже мой...

- Ах, успокойтесь...

- Голову даю! И как такого труса земля терпит?

За окном пыл, глухо раскатываясь, шабаш. Колька заметался, втискивая в карман револьвер.

- Коля, брось браунинг! Коля, прошу тебя...

- Да не бойся ты, Господи!

Стукнула дверь в столовой, затем на веранде, выходящей во двор. Шабаш ворвался на минуту в комнату. Во дворе, рядом во дворе и дальше по всей улице звонили тазы для варенья. Разлился, потрясая морозный воздух, гулкий, качающийся, тревожный грохот.

- Коля, не ходи со двора. Юрий Леонидович, не пускайте его!

Но дверь захлопнулась, оба исчезли, и глухо поплыло за стеной: дон... дон... дон...

Колька угадал. Василиса, домовладелец и буржуй, инженер и трус, был причиной тревоги. Не только в эту грозную, смутную ночь, когда ждали советскую власть на смену Петлюре, но и в течение всего года, что город принимал и отправлял куда-то вдаль самые различные власти, жил бедный Василиса в состоянии непрерывного хронического кошмара. В нем сменялись и прыгали то грозные лица матросов с золотыми буквами на георгиевских лентах, то белые бумажки с синими печатями, то лихие гайдамацкие хвосты, то рожи германских лейтенантов с моноклями. В ушах стреляли винтовки ночью и днем, звонили тазы, из домовладельца Василиса превратился в председателя домкома, и каждое утро, вставая, ждал бедняга какого-то еще нового, необычайного, всем сюрпризам сюрприза. И прежде всего дождался того, что природное свое имя, отчество и фамилию - Василий Иванович Лисович - утратил и стал Василисой.

На бесчисленных бумажках и анкетах, которых всякая власть требовала целые груды, преддомком начал писать: Вас. Лис. и длинную дрожащую закорючку. Все это в предвидении какой-то страшной, необычайной ответственности перед грядущей, еще неизвестной, но, по мнению преддомкома, карающей властью.

Нечего и говорить, что лишь только Колька Бакалейников получил первую сахарную карточку с "Вас." и "Лис.", весь двор начал называть домовладельца Василисой, а затем и все знакомые в городе. Так что имя Василий Иванович осталось в обращении лишь на крайней случай при разговоре с Василисой в упор.

Колька, ведавший в качестве секретаря домкома списками домовой охраны, не мог отказать себе в удовольствии в великую ночь на третье число поставить на дежурство именно Василису в паре с самой рыхлой и сдобной женщиной во дворе - Авдотьей Семеновной, женой сапожника. Поэтому в графе: "2-е число, от 8 до 10" - Авдотья и Василиса.

Вообще удовольствия было много. Целый вечер Колька учил Василису обращению с австрийским карабином. Василиса сидел на скамейке под стеной, обмякший и с помутневшими глазами, а Колька с сухим стуком выбрасывал экстрактором патроны, стараясь попадать ими в Василису.

Наконец, насладившись вдоволь, собственноручно прикрепил к ветке акации медный таз для варенья (бить тревогу) и ушел, оставив на скамейке совершенно неподвижного Василису рядом с хмурой Авдотьей.

- Вы поглядывайте, Васил...ис... Иванович, - уныло-озабоченно бросил Колька на

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
прощание, – в случае чего... того... на мушку, – и он зловеще подмигнул на карабин.

Авдотья плюнула.

– Чтоб он издох, этот Петлюра, сколько беспокойства людям...

Василиса пошевелился единственный раз после ухода Кольки. Он осторожно приподнял карабин руками за дуло и за ложе, положил его под скамейку дулом в сторону и замер.

Отчаяние овладело Василисой в десять, когда в городе начали замирать звуки жизни, а Авдотья заявила категорически, что ей нужно отлучиться на пять минут. Песнь Веденецкого гостя, глухо разлившаяся за кремовыми шторами, немного облегчила сердце несчастного Василисы. Но только на минуту. Как раз в это время на пригорке за забором, над крышей сарая, к которому уступами сбегал запущенный снегом сад, совершенно явственно мелькнула тень и с шелестом обвалился пласт снега. Василиса закрыл глаза и в течение мгновения увидел целый ряд картин: вот ворвались бандиты, вот перерезали Василисе горло, и вот он – Василиса – лежит в гробу мертвый. И Василиса, слабо охнув, два раза ударил палкой в таз. Тотчас же грохнули в соседнем дворе, затем через двор, а через минуту вся Андреевская улица завывала медными угрожающими голосами, а в номере 17-м немедленно начали стрелять. Василиса, растопырив ноги, заоченел с палкой в руках.

Месяц сиял...

Загремела дверь, и выскочил, натаскивая пальто в рукава, Колька, за ним Юрий Леонидович.

– Что случилось?

Василиса вместо ответа ткнул пальцем, указывая за сарай. Колька с Юрием Леонидовичем осторожно заглянули в калитку сада. Пусто и молчаливо было в нем, и Авдотья кот давно уже удрал, ошалевший от дьявольского грохота.

– Вы первый ударили?

Василиса судорожно вздохнул, лизнул губы и ответил:

– Нет, кажется, не я...

Колька, отвернувшись, возвел глаза к небу и прошептал:

– О, что это за человек!

Затем он выбежал в калитку и пропадал с четверть часа. Сперва перестали греметь рядом, затем в номере 17-м, потом в номере 19-м, и только долго, долго кто-то еще стрелял в конце улицы, но перестал в конце концов и он. И опять наступило тревожное безмолвие.

Колька, вернувшись, прекратил пытку Василисы, властной рукой секретаря домкома вызвал Драбинского с женой (10 – 12 час.) и юркнул обратно в дом. Вбежав на цыпочках в зал, Колька перевел дух и крикнул суфлерским шепотом:

– Ура! Радуйся, Варвара... Ура! Гонят Петлюру! Красные идут.

– Да что ты?

– Слушайте... Я сейчас выбежал на улицу, видел обоз. Уходят хвосты, говорю вам, уходят.

– Ты не врешь?

– Чудачка! Какая ж мне корысть? Варвара Афанасьевна вскочила с кресла и заговорила торопливо:

– Неужели Михаил вернется?

– Да, конечно. Я уверен, что их выдавили уже из Слободки. Ты слушай: как только их погонят, куда они пойдут? На город, ясно, через мост. Через город когда будут проходить, тут Михаил и уйдет!

– А если они не пустят?

– Ну-у... не пустят. Дураком не надо быть. Пусть сам бежит.

– Ясно, – подтвердил Юрий Леонидович и подбежал к пианино. Уселся, ткнул пальцем в клавиши и начал тихонько: – Соль...до!..

Проклятьем заклеймен...а Колька, зажав руками рот, изобразил, как солдаты кричат "ура":

– У-а-а-а!..

– Вы с ума сошли оба! Петлюровцы на улице!..

– У-а-а-а!.. Долой Петлю... ап!..

Варвара Афанасьевна бросилась к Кольке и зажала ему рот рукой. Первое убийство в своей жизни доктор Бакалейников увидел секунда в секунду на переломе ночи со второго на третье число. В полночь у входа на проклятый мост. Человека в разорванном черном пальто с лицом, синим и черным в потеках крови, волокни по снегу два хлопца, а пан куренный бежал рядом и бил его шомполом по спине. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только странно ухал. Тяжело и хлестко впивался шомпол в разодранное в клочья пальто, и каждому удару отвечало сиплое:

– Ух... а...

Ноги Бакалейникова стали ватными, подогнулись, и качнулась заснеженная Слободка.

- А-а, жидовская морда! - исступленно кричал пан куренный. - К штабелю его на расстрел! Я тебе покажу, як по темным углам ховаться! Я т-тебе покажу! Що ты робив за штабелем? Що?!

Но окровавленный не отвечал. Тогда пан куренный забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтоб самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренный не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову.

Что-то кракнуло, черный окровавленный не ответил уже: "Ух..." Как-то странно, подвернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной, унавоженной белой земли.

Еще отчетливо Бакалейников видел, как крючкато согнулись пальцы и загребли снег. Потом в темной луже несколько раз дернул нижней челюстью лежащий, как будто давился, и разом стих.

Странно, словно каркнув, Бакалейников всхлипнул, пошел, пьяно шатаясь, вперед и в сторону от моста к белому зданию. Подняв голову к небу, увидел шипящий белый фонарь, а выше опять светило черное небо, опоясанное бледной перевязью Млечного Пути, и играющие звезды. И в ту же минуту, когда черный лежащий испустил дух, увидел доктор в небе чудо. Звезда Венера над Слободкой вдруг разорвалась в застывшей выси огненной змеей, брызнула огнем и оглушительно ударила. Черная даль, долго терпевшая злодейство, пришла наконец на помощь обессилевшему и жалкому в бессилье человеку. Вслед за звездой даль подала страшный звук, ударила громом тяжело и длинно. И тотчас хлопнула вторая звезда, но ниже, над самыми крышами, погребенными под снегом. ...Бежали серым стадом сечевики. И некому их было удержать. Бежала и Синяя дивизия нестройными толпами, и хвостатые шапки гайдамаков плясали над черной лентой. Исчез пан куренный, исчез полковник Мащенко. Остались позади навеки Слободка с желтыми огнями и ослепительной цепью белых огней освещенный мост. И город прекрасный, город счастливый выплывал навстречу на горах.

У белой церкви с колоннами доктор Бакалейников вдруг отделился от черной ленты и, не чувствуя сердца, на странных негнущихся ногах пошел в сторону прямо на церковь. Ближе колонны. Еще ближе. Спину начали жечь как будто тысячи взглядов. Боже, все заколочено! Нет ни души. Куда бежать? Куда? И вот оно сзади наконец, страшное:

- Стый!

Ближе колонна. Сердца нет.

- Стый! Сты-ый!

Тут доктор Бакалейников - солидный человек - сорвался и кинулся бежать так, что засвистело в лицо.

- Тримай! Тримай його!!

Раз. Грохнуло. Раз. Грохнуло. Удар. Удар. Удар. Третья колонна. Миг. Четвертая колонна. Пятая. Тут доктор случайно выиграл жизнь, кинулся в переулочек. Иначе бы в момент догнали конные гайдамаки на освещенной, прямой, заколоченной

Александровской улице. Но дальше - сеть переулков кривых и черных. Прощайте! В пролом стены вдавился доктор Бакалейников. С минуту ждал смерти от разрыва сердца и глотал раскаленный воздух. Развевал по ветру удостоверение, что он мобилизован в качестве врача "першого полку Синей дывизии". На случай, если в пустом городе встретится красный первый патруль. Около трех ночи в квартире доктора Бакалейникова залился оглушительный звонок.

- Ну я ж говорил! - заорал Колька. - Перестань реветь! Перестань...

- Варвара Афанасьевна! Это он. Полноте.

Колька сорвался и полетел открывать.

- Боже ты мой!

Варвара Афанасьевна кинулась к Бакалейникову и отшатнулась.

- Даты... да ты седой...

Бакалейников тупо посмотрел в зеркало и улыбнулся криво, дернул щекой. Затем, поморщившись, с помощью Кольки стащил пальто и, ни слова ни говоря, прошел в столовую, опустился на стул и весь обвис, как мешок. Варвара Афанасьевна глянула на него, и слезы опять закапали у нее из глаз. Юрий Леонидович и Колька, открыв рты, глядели в затылок Бакалейникову на белый вихор, и папиросы у обоих потухли.

Бакалейников обвел глазами тихую столовую, остановил мутный взгляд на самоваре, несколько секунд вглядывался в свое искаженное изображение в блестящей грани.

- Да, - наконец выдавил он из себя бессмысленно. Колька, услышав это первое слово, решил спросить:

- Слушай, ты... Бежал, конечно? Да ты скажи, что ты у них делал.

- Вы знаете, - медленно ответил Бакалейников, - они, представьте... в больничных халатах, эти самые синие-то петлюровцы. В черных...

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Еще что-то хотел сказать Бакалейников, но вместо речи получилось неожиданное. Он всхлипнул звонко, всхлипнул еще раз и разрыдался, как женщина, уткнув голову с седым вихром в руки. Варвара Афанасьевна, не зная еще, в чем дело, заплакала в ту же секунду. Юрий Леонидович и Колька растерялись до того, что даже побледнели. Колька опомнился первый и полетел в кабинет за валерианкой, а Юрий Леонидович сказал, прочистив горло, неизвестно к чему:

- Да, каналья этот Петлюра.

Бакалейников же поднял искаженное плачем лицо и, всхлипывая, выкрикнул:

- Бандиты... Но я... я... интеллигентская мразь! - и тоже неизвестно к чему... И распространился запах эфира. Колька дрожащими руками начал отсчитывать капли в рюмку. Через час город спал. Спал доктор Бакалейников. Молчали улица, заколоченные подъезды, закрытые ворота. И не было ни одного человека на улицах. И даль молчала. Из-за реки, от Слободки с желтыми потревоженными огнями, от моста с бледной цепью фонарей не долетало ни звука. И сгнула черная лента, пересекавшая город, в мраке на другой стороне. Небо висело бархатный полог с алмазными брызгами, чудом склеившаяся Венера над Слободкой опять играла, чуть красноватая, и лежала белая перевязь - путь серебряный, млечный. "Накануне" (литературное приложение),

10 декабря 1922 г. Михаил Булгаков. В театре Зимина (Наброски карандашом) Не узнать зиминского театра. Окрашенные в какие-то жабы серые тона, ярусы скрылись под темно-красными полотнищами с цифрой "5". Кресла в ярусах белеют пятнами - на спинах их разостланы номера юбилейного "Гудка".

Зал наполняется, наполняется... Головы вырастают во всех ярусах. Белые полотнища газет колышутся в руках. Слышен смутный, волнующий говор и шорох. В оркестре переливаются трели кларнетов и флейт. МИХАИЛ ИВАНОВИЧ - Смотри... смотри, - шепчет кто-то, - вон Калинин сидит.

И точно, в первом ряду на сцене среди гостей сидит, благодушно и терпеливо ожидая начала заседания, всероссийский староста. Всмотриваешься и начинаешь вспоминать, глядя в эти пытливые глаза: когда-то этот человек, что стоит во главе пролетарского правительства, сам работал в железнодорожных мастерских. ИНТЕРНАЦИОНАЛ - Торжественное заседание союза железнодорожников разрешите считать открытым, - объявляет т. Андреев.

В ярусах и партере встает живой человеческий лес. Встает оркестр, и катятся победные звуки Интернационала.

Долго перекатываются и стучат спинки опускаемых стульев. Сотни людей садятся, шурша газетными листами.

Начинаются речи... КАК ВСТРЕЧАЛИ ВСЕРОССИЙСКОГО СТАРОСТУ - Слово для приветствия от всероссийского Центрального Исполни... начал было т. Андреев и не мог окончить фразы. Лишь только Михаил Иванович Калинин поднялся со стула, в зале начался грохот всплесков. Несколько минут бушевали в театре аплодисменты, и взволнованный Калинин не мог начать своей речи.

Кричали приветствия, потом рукоплескали, опять кричали, опять грохотали... За партером встали ярусы, встали на сцене и тянулись к Калинину сотни плещущих рук. КАЛИНИН - ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН СОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ Встал т. Андрейчик и предложил избрать т. Калинина почетным членом союза. Конец его фразы покрыл гул голосов и грохот рукоплесканий.

- Просим... просим!!! ВАГОН-МОДЕЛЬ Двое мастеров в серых куртках выходят на авансцену. Один из них читает приветствие союзу, другой сбрасывает красное сукно, и под ним оказывается великолепно исполненный товарный вагон-модель - в 1/10 настоящей величины. Это - дар союзу от калужских главных мастерских.

В зале и на сцене приподнимаются и смотрят на художественно исполненную модель. Гремят аплодисменты. КРАСНОЙ АРМИИ ПРИВЕТ! Волна бурного прибой... Катится грохот: прочитали привет Красной армии - соратнику железнодорожников в великой борьбе. Встают, как один. Без оркестра поют сотни голосов Интернационал.

Музыканты, услышав пение, начинают наполнять оркестр. Берутся за инструменты... и медные звуки труб прорезывают тысячный великий хор. М.Б.

"Гудок", 11 февраля 1923г. Михаил Булгаков. Как он сошел с ума 1 Дверь в отдельную камеру отворилась, и вошел доктор в сопровождении фельдшера и двух сторожей. Навстречу им с развороченной постели, над которой красовалась табличка: "Заведующий Чаадаевской школой на Сызранке. Буйный", поднялся человек в белом и запел, сверкая глазами:

- От Севильи до Грена-а-ды!! Наше вам, гады!! В тихом сумраке ночей! Раздаются, сволочи, серенады!! Раздается звон мечей!..

- Тэк-с... Серенады. Позвольте ваш пульсик, - вежливо сказал доктор и протянул руку. Левым глазом он при этом мигал фельдшеру, а правым сторожам.

Белый человек затрясся и взвыл:

- Мерзавец!! Признавайся: ты Пе-де шестьдесят восемь?

- Нет, заблуждаетесь, - ответил доктор, - я доктор... Как температурка? Тэк-с...

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru покажите язык.

Вместо языка белый человек показал доктору страшный волосатый кукиш и, ударив вприрядку, запел:

- Ужасно шумно в доме Шнеерсона...

- Кли бромати, - сказал доктор, - по столовой ложке...

- Бромати?! - завыл белый человек. - А окна без стекол ты видел, каналья? Видел нуль?.. Какой бывает нуль, видел, я спрашиваю тебя, свистун в белом халате?!!

- Морфий под кожу, - задушевно шепнул доктор фельдшеру.

- Морфи?! - завопил человек. - Морфи?! Бейте, православные, Пе-де шестьдесят восемь.

Он размахнулся и ударил доктора по уху так страшно и метко, что у того соскочило пенсне.

- Берите его, братики, - захныкал доктор, подтирая носовым платком кровь из носа, - наденьте на него горячую рубашку...

Сторожа, пыхтя, навалились на белого человека.

- Кар-раул!! - разнесся крик под сводами Канатчиковой дачи. - Карр! шестьдесят вос!.. ап!! 2 В кабинете доктора через два месяца сидел печальный, похудевший человек в пальто с облезлым воротником и мял в руках шапку. Вещи его, стянутые в узел, лежали у ног.

- А насчет буйства, - вздыхая, говорил человек, - прощения просим. Не обижайтесь. Сами извольте понимать, не в себе я был.

- Вздор, голубчик, - ответил доктор, - это у нас часто случается. Вот микстурку будете принимать через два часа по столовой ложке. Ну, и, конечно, никаких волнений.

- За микстурку благодарим, - ответил человек, вздыхая, - а насчет волнений...

Нам без волнений нельзя. У нас должность такая, с волнениями, он тяжело вздохнул.

- Да что такое, голубчик, - посочувствовал доктор, - вы расскажите...

Печальный человек крякнул и рассказал:

- Зима, понимаете ли, холодно... Школа-то наша Чаадаевская без стекол, отопление не в порядке, освещение тоже. А ребята, знаете ли, вагон. Нуте-с, что тут делать?

Начал я писать нашему ПД-68 на Сызранке. Раз пишу - никакого ответа нету. Два пишу - присылает ответ: как же... обязательно... нужно сделать и прочее тому подобное. Обрадовался я. Но только проходит порядочное время, а дела никакого не видно. Ребята между тем в школе пропадают. Ну-с, я опять ПД-68. Он мне ответ: как же, следует обязательно. Я ему опять. Он мне. Я ему. Он. Нет, думаю. Так нельзя. Пишу тогда ПЧ, так, мол, и так, составьте, сделайте ваше одолжение, акт. Что же вы думаете? Молчание. Бросил я тогда. Пе-де-68 начал шпарить к Пе-Че. Я ему. Он в ответ: копия вашего уважаемого письма прислана к Пе. Я ему опять. А он к Пе опять. Я ему. А он Пе. Пе... тьфу... ему. Он - Пе. Я, он, он, я. Что тут прикажешь делать?! Он молчок. Что ж это, думаю, за наказание? А? И началось тут у меня какое-то настроение скверное. Аппетиту нету. Мелькание в глазах. Чепуха. Однажды выхожу из школы и вижу: бабушка моя покойная идет. Да-с, идет, а в руках у нее крендель в виде шестьдесят восемь. Я ей: бабушка, вы ж померли? А она мне: пошел вон, дурак! Я к доктору нашему. Посмотрел меня и говорит - вам надо бромати пить. Это не полагается, чтобы бабушек видеть...

Осатанел я, начал писать кому попало: в доркультотдел шесть раз написал - не отвечают. Написал тогда в управление дороги четыре раза - зачем, черт меня знает! Не отвечают. Я еще раз. Что тут началось - уму непостижимо человеческому. Приходит телеграмма: никаких расходов из эксплуатационных средств на культуру не производить. Ночью бабушка: "Что, говорит, лежишь, как колода? Напиши Эн. Они - добрый господин". Уйди, говорю, ведьма. Померла и молчи! Швырнул в нее подсвечником, да в зеркало и попади. А наутро не утерпел - написал Эн. Приходит телеграмма - произвести необходимый ремонт. Я, конечно, Пе. А от Пе телеграмма - произвести необходимейший ремонт. Во! Необходимейший. Я доркультотделу - письмо: ага, пишу, съели? Даешь ремонт! А оттуда телеграмма: "Не расходовать школьные средства от обложений". Батюшки? Выхожу и вижу: стоит Петр Великий и на меня кулаком. Невзвидел я свету, выхватил ножик да за ним. Ну, тут, конечно, меня схватили и к вам...

Человек вдруг замолчал... выкатил глаза и стал приподниматься.

Доктор побледнел и отшатнулся.

- Ква... ква!! - взвизгнул человек. - Шестьдесят восемь! Где ремонт? А? Бей-й! А-а!!..

- Сторожа... На помощь! - закричал доктор.

С громом вылетели стекла в кабинете.

- Рано выписывать, - сказал доктор вбежавшим белым халатам, - в 6-ю палату и рубашку. Эм.

"Гудок", 20 января 1924г. Михаил Булгаков. Каэнпе и капе Большая комната. За

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
столом расположилась комиссия и секретарь с кипой заявлений. В коридоре за
дверью ожидает очереди толпа школьных работников. Вызывают первую фамилию. Дверь
открывается, показав на мгновение несколько взволнованных лиц, и входит
учительница. Она работала эти годы в провинции, теперь приехала в Москву. Одет
бедно и по-провинциальному – на ногах сапоги мужского фасона. Еще у двери тяжело
вздыхает.

– Садитесь, пожалуйста.

– Мер...си, – говорит учительница прерывающимся голосом и садится на кончик
стула. Просматривают ее заявление и анкету.

– Чем же вы занимались там с детьми?

– Экскурсии... – говорит тихо испытываемая.

– Ну расскажите же, что вы делали на экскурсиях?

Пауза. Учительница шевелит пальцами, потом говорит, то бледнея, то краснея:

– Ну... цветок разбирали...

– Как разбирали, расскажите.

Пауза.

– Ну, разбирали... Зачем? С какой целью?

Учительница после тяжелого вздоха:

– Кра-со-та...

– Какая красота?

– Цветок... красивый... рассказывала детям, какой цветок красивый...

– Вы полагаете, что дети получают представление о красоте цветка из ваших
рассказов?

Молчание и предсмертная тоска в глазах кандидатки. На верхней губе мелким
бисером выступает пот.

– Что читали по экскурсионному делу?

Молчание.

– Достаточно, – со вздохом говорит председатель.

Кандидатка, шумно и глубоко вздохнув, уходит.

– Каэнпе, – говорит председатель, – плохо. (КНП означает "кандидатура
неприемлема".)

Следующая желает поступить в детский дом.

– Какие цели ставит себе детский дом?

– Я бы постаралась развить детей, занялась бы с ними...

– Погодите. Какие цели ставит себе детский дом?

– Я бы старалась...

– Цели какие ставит себе детский дом?

– Я бы...

– Ну, хорошо. Что бы вы делали с детьми?

– Я бы... э... познакомила их с новыми современными течениями... я бы...

– Говорите попросту, по совести. Какие там современные течения... Что бы вы
делали с детьми? Просто. Может быть, это в тысячу раз лучше было бы, чем все эти
ухищрения и течения.

– Праздники бы устраивала... я бы...

– Гм... какое значение праздникам придаете вы в жизни детей?

– Они рвутся... поездки... 1 Май...

– Какое значение придаете праздникам?

– Я бы...

– Достаточно.

Немка. Говорит с акцентом.

– К русскому языку прибегаете на уроках?

– Я стараюсь... избегать... ухо ребенка привыкает...

– Расскажите по-немецки, как занимаетесь?

– Ja... das ist sehr schon, – и немка бойко рассказывает о своей методе.

– Достаточно.

Немка вежливо говорит и прощается:

– Danke schon. Aufwiedersehen! Капе. Хорошо. (КП – кандидатура приемлема.)

Пожилая учительница из Самары. Со стажем.

– Какой состав учеников был там у вас в школе?

– Русские, немцы и... хохлы.

– Помилуйте, – укоризненно говорит председатель, – зачем же так называть?

Неприятно же будет, если нас станут называть – кацапы! Украинцы, а не хохлы.

– Какие же украинцы... – равнодушно протестует учительница, – украинцы больше на
Украине. А наши заволжские... так... хохлы. Они и говорят-то неправильно...

– Гм... тэк-с. Русскому языку учили? Какими книгами пользовались?

– Да какие там у нас книги. В начале революции солдаты стояли, все книги
выкурили.

– Гм... что ж вы делали?

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

- Экскурсии.

- По плану экскурсии?

- О, да.

- Куда же водили детей?

- На костомольный завод. На раскопки.

Еще несколько вопросов. Отвечает складно. Дело, по-видимому, смыслит. Кой-что читала. Достаточно.

Идут следующие. Кого тут только нет. Вон на клубную работу желает специальность - ритмика, пластика, пение. Учительница немецкого языка. Учитель. Кандидатка на должность руководительницы в психоневрологической клинике. Воспитатель в интернате.

Вот одна в платке, в черном пальто. Желает руководить детским домом.

- Какую литературу читали?

- "Воспитательное чтение" Балталона, "Трудовую школу" Синицкого.

- А еще?

Молчание.

- Ваш взгляд на работу руководительницы детского дома?

- Я сочувствую новому течению.

- В чем?

Молчание.

- Что будете делать с детьми?

- Праздники... 1-е мая...

- Какое же объяснение дадите детям 1-го мая?

- Кому? детям?

- Ну, да. Детям.

Молчание.

- Что празднуется 8-го марта?

Молчание.

- О Международном дне работницы слышали?

Молчание.

- Газеты читаете когда-нибудь?

- Кхм... нет... газеты мало приходится.

- Достаточно. Каэнпе.

Следующая. Тоже стремится в детский дом.

- Что будете делать с детьми?

- Праздники... 1-е мая.

- Гм... ну, а кроме праздников. Например, вот если придется по религиозному вопросу с детьми гово...

- Я против всякой религии! - бодро отвечает кандидатка.

- Гм... ну, это хорошо. А вот с детьми если придет...

- Религия - дурман для народа! - уверенно отвечает учительница.

- Ну да. Но если с детьми придется...

- Да, церковь отделена от государства!

- Ну да. Но если придется с детьми говорить по вопросу о религии. Вот, например, слышат дети колокольный звон. Заинтересуются. Какое собеседование с ними устроите?

Молчание.

- О комплексном методе преподавания что скажете?

- Я что-то не слыхала о нем...

- Гм. Достаточно.

Молодой учитель из захолустья - из города Сурожа. Приехал сюда учиться в медико-педагогическом институте. Средств нет. Хочет поступить преподавателем в школу.

- Как же вы будете совмещать институт со школой? От этого вред и институту и школе.

- Что поделаешь, - вздыхает, - многие так делают. Придется жертвовать частью лекций. Трудно приходится.

И, действительно, видно, трудно. Полушубочек старенький на нем. Замасленная рубашка.

Комиссия начинает задавать вопросы. Складно рассказывает об устройстве экскурсии.

- Почему весной хотите устраивать экскурсии?

- Весной природа возрождается. Будут наблюдать распускание цветов.

- Какой первый цветок встретите. Самый ранний?

- Сон-трава.

Еще вопросы. Отвечает продуманно. На наиболее замысловатые вопросы честно говорит:

- Этого я сам не уяснил себе.

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Комиссия совещается и дает ему испытательный стаж.
Вот квалифицированная. С высших женских курсов. Оканчивает Петровскую академию.
Желает во 2-ю загородную школу с сельскохозяйственным уклоном. Можно. Капе.
Вот уже пожилой учитель. В руках фуражка с вылинявшим бархатным околышем.
Преподавал в провинции в Моршанске в школе 2-й ступени французский язык и русский. Писал в газетах. Вот его стихотворение "Учащейся молодежи". Гимн.
- Переведите ваш гимн на французский язык.
- А la jeunesse etudiante... - начинает учитель, - ...nous esperons...
Немного запинается.
- Произношение у вас неважное. А вот по русскому языку расскажите, что делали?
- Я должен сказать... - учитель, кашлянув, продолжает, - на занятиях тяжело отражалось отсутствие топлива... Дров не было. Холодно. Но кое-что все-таки сделали.
Рассказывает, как разбирал произведение Горького, Чехова, по поводу темы "Об общественном служении".
Комиссия совещается, признает его достойным занять место преподавателя русского языка.
Еще идут. Все больше неквалифицированный элемент. Мало читали. Мало знают. Вялы, безынициативны.
Но вот одна. Хочет в детский дом. Отвечает бойко. Есть навык, сметка. Сбивается только на одном. Комиссия спрашивает о том, какие стихотворения даст в первой группе детям.
- А вот тютчевское: Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья
В Россию можно только верить... - Это дали бы?
Учительница мнется...
- Это! Кхм...
- Как бы вы объяснили слова: "В Россию можно только верить"
Вздыхает. Мнется.
- Сами как бы их истолковали?
Молчит.
- Ну как их истолковать?
- Н... не знаю, - сознается учительница.
За дверью все меньше народа. Уменьшается стопка заявлений. Проходят последние. Молодой человек с треском проваливается - ничего не читал. Пыхтит. Молчит. Каэнпе.
Молоденькая учительница из провинции. Ничего не читала. Знаний никаких. Краснеет. Кудряшки прилипают ко лбу.
Плохо. Каэнпе.
- Все, - говорит секретарь. Комиссия встает и расходится. По коридорам бодро уходят те, что отвечали удачно, и несчастливцы, чующие отрицательный ответ. Комната пустеет. Пустеет коридор. "Голос работника просвещения", 1923, э 4. Михаил Булгаков. Китайская история 6 картин вместо рассказа I РЕКА И ЧАСЫ Это был замечательный ходя, настоящий шафранный представитель Небесной империи, лет 25, а может быть, и сорока? Черт его знает! Кажется, ему было 23 года.
Никто не знает, почему загадочный ходя пролетел, как сухой листик, несколько тысяч верст и оказался на берегу реки под изгрызенной зубчатой стеной. На ходе была тогда шапка с лохматыми ушами, короткий полушубок с распоротым швом, стеганные штаны, разодранные на заднице, и великолепные желтые ботинки. Видно было, что у ходи немножко кривые, но жилистые ноги. Денег у ходи не было ни гроша.
Лохматый, как ушастая шапка, пренеприятный ветер летал под зубчатой стеной. Одного взгляда на реку было достаточно, чтобы убедиться, что это дьявольски холодная, чужая река. Позади ходи была пустая трамвайная линия, перед ходей - ноздреватый гранит, за гранитом на откосе лодка с пробитым днищем, за лодкой эта самая проклятая река, за рекой опять гранит, а за гранитом дома, каменные дома, черт знает сколько домов. Дурацкая река зачем-то затекла в самую середину города.
Полубовавшись на длинные красные трубы и зеленые крыши, ходя перевел взор на небо. Ну, уж небо было хуже всего. Серое-пресерое, грязное-прегрязное... и очень низко, цепляясь за орлы и луковицы, торчащие за стеной, ползли по серому небу, выпятив брюхо, жирные тучи. Ходю небо окончательно пристукнуло по лохматой шапке. Совершенно очевидно было, что если не сейчас, то немного погодя все-таки пойдет из этого неба холодный, мокрый снег и, вообще, ничего хорошего, сытного и приятного под таким небом произойти не может.
- О-о-о! - что-то пробормотал ходя и еще тоскливо прибавил несколько слов на

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
никому не понятном языке.

Ходя зажмурил глаза, и тотчас же всплыло перед ним очень жаркое круглое солнце, очень желтая пыльная дорога, в стороне, как золотая стена, – гаолян, потом два раскидистых дуба, от которых на растрескавшейся земле лежала резная тень, и глиняный порог у фанзы. И будто бы ходя – маленький, сидел на корточках, жевал очень вкусную лепешку, свободной левой рукой гладил горячую, как огонь, землю. Ему очень хотелось пить, но лень было вставать, и он ждал, пока мать выйдет из-за дуба. У матери на коромысле два ведра, а в ведрах студеной вода... Ходю, как бритвой, резануло внутри, и он решил, что опять он поедет через огромное пространство. Ехать – как? Есть – что? Как-нибудь. Китай-са... Пусти ваг-о-о-н.

За углом зубчатой громады высоко заиграла колокольная музыка. Колокола лепетали невнятно, вперебой, но все же было очевидно, что они хотят сыграть складно и победоносно какую-то мелодию. Ходя затопал за угол и, посмотрев вдаль и вверх, убедился, что музыка происходит из круглых черных часов с золотыми стрелками на серой длинной башне. Часы поиграли, поиграли и смолкли. Ходя глубоко вздохнул, проводил взглядом тарахтящую ободранную мотоциклетку, въехавшую прямо в башню, глубже надвинул шапку и ушел в неизвестном направлении. II
ЧЕРНЫЙ ДЫМ. ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАЛ вечером ходя оказался далеко, далеко от черных часов с музыкальным фокусом и серых бойниц. На грязной окраине в двухэтажном домике во втором проходном дворе, за которым непосредственно открывался покрытый полосами гниющего серого снега и осколками битого рыжего кирпича пустырь. В последней комнате по вонючему коридору, за дверью, обитой рваной в клочья клеенкой, в печурке красноватым зловещим пламенем горели дрова. Перед заслонкой с огненными круглыми дырочками на корточках сидел очень пожилой китаец. Ему было лет 55, а может быть, и восемьдесят. Лицо у него было, как кора, и глаза, когда китаец открывал заслонку, казались злыми, как у демона, а когда закрывал – печальными, глубокими и холодными. Ходя сидел на засаленном лоскутном одеяле на погнувшейся складной кровати, в которой жили смелые и крупные клопы, испуганно и настороженно смотрел, как колышутся и расхаживают по закопченному потолку красные и черные тени, часто передергивал лопатками, засовывал руку за ворот, яростно чесался и слушал, что рассказывает старый китаец.

Старик надувал щеки, дул в печку и тер кулаками глаза, когда в них залезал едкий дым. В такие моменты рассказ прерывался. Затем китаец захлопывал заслонку, потухал в тени и говорил на никому, кроме ходя, не понятном языке.

Из слов старого китаезы выходило что-то чрезвычайно унылое и короткое. По-русски было бы так: Хлеб – нет. Никакой – нет. Сам – голодный. Торговать – нет и нет. Кокаин – мало есть. Опиум – нет. Последнее старый хитрый китаец особенно подчеркнул. Нет опиума. Опиума – нет, нет. Горе, но опиума нет. Старые китайские глаза при этом совершенно прятались в раскосые щели, и огни из печки не могли пробить их таинственную глубину.

– Что есть? – Ходя спросил отчаянно и судорожно пошевелил плечами.

– Есть?

Было, конечно, кое-что, но все такое, отчего лучше и отказаться.

– Холодно – есть. Чека ловила – есть. Ударил ножом на пустыре за пакет с кокаином. Отнимал убийца, негодяй – Настькин сволочь.

Старый ткнул пальцем в тонкую стену. Ходя, прислушавшись, разобрал сиплый женский смех, какое-то шипение и клокотание.

– Самогон – есть.

Так пояснил старик и, откинув рукав засаленной кофты, показал на желтом предплечье, перевитом узловатыми жилами, косою, свежий трехвершковый шрам. Очевидно было, что этот след от хорошо отточенного финского ножа. При взгляде на багровый шрам глаза старого китаеза затуманились, сухая шея потемнела. Глядя в стену, старик прошипел по-русски:

– Бандит – есть!

Затем наклонился, открыл заслонку, всунул в огненную пасть две щепки и, надув щеки, стал похож на китайского нечистого духа.

Через четверть часа дрова гудели ровно и мощно, и черная труба начинала краснеть. Жара заливала комнатенку, и ходя вылез из полушубка, слез с кровати и сидел на корточках на полу. Старый китаеза, раздобрев от тепла, поджав ноги, сидел и плел туманную речь. Ходя моргал желтыми веками, отдувался от жара и изредка скорбно и недоуменно лопотал вопросы. А старый бурчал. Ему, старому, все равно. Ленин – есть. Самый главный очень есть. Буржуи – нет, о, нет! Зато Красная армия есть. Много – есть. Музыка? Да, да. Музыка, потому что Ленин. В башне с часами – сиди, сиди. За башней? За башней – Красная армия.

– Домой ехать? Нет, о Нет! Пропуск – нет. Хороший китаец смиренно сиди.

– Я – хороший! Где жить?

– Жить – нет, нет и нет. Красная армия – везде жить.

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Карас-ни... – оторопел, прошептал ходя, глядя в огненные дыры. Прошел час. Смолкло гудение, и шесть дыр в заслонке глядели, как шесть красных глаз. Ходя, в зыбких тенях и красноватом отблеске сморщившийся и постаревший, валялся на полу и, простирая руки к старику, умолял его о чем-то. Прошел час, еще час. Шесть дыр в заслонке ослепли, и в прикрытую оконную форточку тянул сладкий черный дым. Щель над дверью была наглухо забита тряпками, а дырка от ключа залеплена грязным воском. Спиртовка тощим синеватым пламенком колыхалась на полу, а ходя лежал рядом с нею на полушубке на боку. В руках у него была полуаршинная желтая трубка с распластанным на ней драконом-ящерицей. В медном, похожем на золотой, наконечнике багровой точкой таял черный шарик. По другую сторону спиртовки на рваном одеяле лежал старый китайский хрыч, с такой же желтой трубкой. И вокруг него, как вокруг ходи, таял и плыл черный дым и тянулся к форточке.

Под утро на полу, рядом с угасающим язычком пламени смутно виднелись два оскала зубов – желтый с чернью и белый. Где был старик – никому не известно. Ходя же жил в хрустальном зале под огромными часами, которые звенели каждую минуту, лишь только золотые стрелки обегали круг. Звон пробуждал смех в хрустале, и выходил очень радостный Ленин в желтой кофте, с огромной блестящей и тугой косой, в шапочке с пуговкой на темени. Он схватывал за хвост стрелу-маятник и гнал ее вправо – тогда часы звенели налево, а когда гнал влево – колокола звенели направо. Погремев в колокола, Ленин водил ходю на балкон – показывать Красную армию. Жить – в хрустальном зале. Тепло – есть. Настька – есть. Настька, красавица неописанная, шла по хрустальному зеркалу, и ножки в башмачках у нее были такие маленькие, что их можно было спрятать в ноздрю. А Настькин сволочь, убийца, бандит с финским ножом, сунулся было в зал, но ходя встал, страшный и храбрый, как великан, и, взмахнувши широким мечом, отрубил ему голову. И голова скатилась с балкона, а ходя обезглавленный труп схватил за шиворот и сбросил вслед за головой. И всему миру стало легко и радостно, что такой негодяй больше не будет ходить с ножом. Ленин в награду сыграл для ходи громоносную мелодию на колоколах и повесил ему на грудь бриллиантовую звезду. Колокола опять пошли звенеть и вызвонили, наконец, на хрустальном полу поросль золотого гаоляна, над головой круглое, жаркое солнце и резную тень у дуба... И мать шла, а в ведрах на коромыслах у нее была студеная вода. III

СНОВ НЕТ – ЕСТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ неизвестно, что было в двухэтажном домике в следующие четыре дня. Известно, что на пятый день, постаревший лет на пять, ходя вышел на грязную улицу, но уже не в полушубке, а в мешке с черным клеймом на спине "цейх э 4712" и не в желтых шикарных ботинках, а в рыхих опорках, из которых выглядывали его красные большие пальцы с перламутровыми ногтями. На углу под кривым фонарем ходя посмотрел сосредоточенно на серое небо, решительно махнул рукой, пропел, как скрипка, сам себе:

– Карас-ни...

И зашагал в неизвестном направлении. IV

КИТАЙСКИЙ КАМРАД и оказался ходя через два дня после этого в гигантском зале с полукруглыми сводами на деревянных нарах. Ходя сидел, свесив ноги в опорках, как бы в бельэтаже, а в партере громоздились безусые и усатые головы в шишаках с огромными красными звездами. Ходя долго смотрел на лица под звездами и, наконец, почувствовав, что необходимо как-нибудь отозваться на внимание, первоначально изобразил на своем лице лучшую из своих шафранных улыбок, а затем певуче и тонко сказал все, что узнал за страшный пробег от круглого солнца в столицу колокольных часов:

– Хлеб... пусти вагон... карасни... китай-са... – и еще три слова, сочетание которых давало изумительную комбинацию, обладавшую чудодейственным эффектом. По опыту ходя знал, что комбинация могла отворить дверь теплушки, но она же могла и навлечь тяжкие побои кулаком по китайской стриженной голове. Женщины бежали от нее, а мужчины поступали очень различно: то давали хлеба, то, наоборот, порывались бить. В данном случае произошли радостные последствия. Громовой вал смеха ударил в сводчатом зале и взмыл до самого потолка. Ходя ответил на первый раскат улыбкой э 2 с несколько заговорщическим оттенком и повторением трех слов. После этого он думал, что он оглохнет. Пронзительный голос прорезал грохот:

– Ваня! Вали сюда! Вольноопределяющийся китаец по матери знаменито кроет!

Возле ходи бушевало, потом стихло, потом ходе сразу дали махорки, хлеба и мутного чаю в жестяной кружке. Ходя во мгновение ока с остервенением съел три ломтя, хрустящих на зубах, выпил чай и жадно закурил вертушку. Затем ходя предстал перед неким человеком в зеленой гимнастерке. Человек, сидящий под лампой с разбитым колпаком возле пишущей машины, на ходю взглянул благосклонно, голове, просунувшейся в дверь, сказал:

– Товарищи, ничего любопытного. Обыкновенный китаец...

И немедленно, после того, как голова исчезла, вынул из ящика лист бумаги, взял в

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
руку перо и спросил:

- Имя? Отчество и фамилия?

Ходя ответил улыбкой, но от каких бы то ни было слов держался.

На лице у некоего человека появилась растерянность.

- К-хэм... ты что, товарищ, не понимаешь? По-русски? А? Как звать? - Он пальцем ткнул легонько по направлению ходя. - Имя? Из Китая?

- Китай-са... - пропел ходя.

- Ну, ну! Китаец, это я понимаю. А вот звать как тебя, камрад? А?

Ходя замкнулся в лучезарной и сытой улыбке. Хлеб с чаем переваривался в желудке, давая ощущение приятной истомы.

- Ак-казия, - пробормотал некий, озлобленно почесав левую бровь.

Потом он подумал, поглядел на ходю, лист спрятал в ящик и сказал облегченно:

- Военком приедет сейчас. Ужо тогда. V

ВИРТУОЗ! ВИРТУОЗ! Прошло месяца два. И когда небо из серого превратилось в голубое, с кремовыми пузатыми облаками, все уже знали, что как Франц Лист был рожден, чтобы играть на рояле свои чудовищные рапсодии, ходя Сен-Зин-По явился в мир, чтобы стрелять из пулемета. Первоначально поползли неясные слухи, затем они вздулись в легенды, окружившие голову Сен-Зин-По. Началось с коровы, перерезанной пополам. Кончилось тем, что в полках говорили, как ходя головы отрезает на 2 тысячи шагов. Головы не головы, но действительно было исключительно 100% попадания. Рождалась мысль о непрочности и условности 100! Может быть, 105? В агатовых косых глазах от рождения сидела чудесная прицельная панорама, иначе ничем нельзя было бы объяснить такую стрельбу.

На стрельбище приезжал на огромной машине важный, в серой шинели, пушистоусый, с любопытством смотрел в бинокль. Ходя, впившись прищуренными глазами вдаль, давил ручки гремевшего "максима" и резал рощу, как баба жнет хлеб.

- Действительно, черт знает что такое! В первый развижу, - говорил пушистоусый, после того как стих раскаленный "максим". И, обратившись к ходе, добавил со смеющимися глазами: - Virtuoz!

- Virtu-зи... - ответил ходя и стал похож на китайского ангела.

Через неделю командир полка говорил басом командиру пулеметной команды:

- Сукин сын какой-то! - и, восхищенно пожимая плечами, прибавил, поворачиваясь к Сен-Зин-По: - Ему премиальные надо платить!

- Пре-ми-али... палата, палата, - ответил ходя, испуская желтоватое сияние.

Командир громыхнул как в бочку, пулеметчики ответили ему раскатами. В этот же вечер в канцелярии под разбитым тюльпаном некий в гимнастерке доложил, что получена бумага - ходю откомандировать в интернациональный полк. Командир залился кровью и стукнул в ниже "до".

- А фи не хо? - и при этом показал колоссальных размеров волосатую фигу. Некий немедленно сел сочинять начерно бумагу, начинающуюся словами: как есть пулеметчик Сен-Зин-По Железного полка гордость и виртуоз... VI

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ДЕБЮТ Месяц прошел, на небе не было ни одного маленького облачка, и жаркое солнце сидело над самой головой. Синие перелески в двух верстах гремели, как гроза, а сзади и налево отходил железный полк, уйдя в землю, перекачивался дробно и сухо. Ходя, заваленный грудой лент, торчал на пологом склоне над востроносим пулеметом. Хоудино лицо выражало некоторую задумчивость. Временами он обращал свой взор к небу, потом всматривался в перелески, иногда поворачивал голову в сторону и видел тогда знакомого пулеметчика. Голова его, а под ней лохматый красный бант на груди выглядывали из-за кустиков шагах в сорока. Покосившись на пулеметчика, ходя вновь глядел, прищурившись, на солнышко, которое пекло ему фуражку, вытирал пот и ожидал, какой оборот примут все эти клокочущие события.

Они развернулись так. Под синими лесочками вдали появились черные цепочки и, то принижаясь до самой земли, то вырастая, ширясь и густея, стали приближаться к пологому холму. Железный полк сзади и налево ходя загремел яростней и гуще.

Пронзительный голос взвился за ходей над холмом:

- А-гонь!

И тотчас пулеметчик с бантом загрохотал из кустов. Отозвалось где-то слева, и перед вырастающей цепочкой из земли стал подыматься пыльный туман. Ходя сел плотнее, наложил свои желтые виртуозные руки на ручки пулемета, несколько мгновений молчал, чуть поводя ствол из стороны в сторону, потом прогремел коротко и призывно, стал... прогремел опять и вдруг, залившись оглушающим треском, заиграл свою страшную рапсодию. В несколько секунд раскаленные пули заплывали цепь от края до края. Она припала, встала, стала прерываться и разламываться. Восхищенный охрипший голос взмыл сзади:

- Ходя! Строчи! Огонь! А-гонь!

Сквозь марево и пыль ходя непрерывным ливнем посылал пули во вторую цепь. И тут справа, вдали из земли выросли темные полосы, и столбы пыли встали над ними. Ток

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
тревоги незримо пробежал по скату холма. Голос, осипши, срываясь, прокричал:
– По наступающей ка-ва-лери... .

Гул закачал землю до самого ходи, и темные полосы стали приближаться с
чудовищной быстротой. В тот момент как ходя поворачивал пулемет вправо, воздух
над ним рассадил бледным огнем, что-то бросило ходю грудью прямо на ручки, и
ходя перестал что-либо видеть.

Когда он снова воспринял солнце и снова перед ним из тумана выплыл пулемет и
смятая трава, все кругом сломалось и полетело куда-то. Полк сзади раздробленно
вспыхивал треском и погасал. Еле дыша от жгучей боли в груди, ходя,
повернувшись, увидел сзади летящую в туче массу всадников, которые обрушились
туда, где гремел Железный полк. Пулеметчик справа исчез. А к холму, огибая его
полулунием, бежали цепями люди в зеленом, и их наплечья поблескивали золотыми
пятнами. С каждым мигом их становилось все больше, и ходя начал уже различать
медные лица. Проскрипев от боли, ходя растерянно глянул, схватился за ручки,
повел ствол и загремел. Лица и золотые пятна стали проваливаться в траву перед
ходей. Справа зато они выросли и неслись к ходе. Рядом появился командир
пулеметного взвода. Ходя смутно и мгновенно видел, что кровь течет у него по
левому рукаву. Командир ничего не прокричал ходе. Вытянувшись во весь рост, он
протянул правую руку и сухо выстрелил в набегавших. Затем на глазах пораженного
ходи сунул дуло маузера себе в рот и выстрелил. Ходя смолк на мгновение. Потом
прогремел опять.

Держа винтовку на изготовку, задыхаясь в беге, опережая цепь, рвался справа к
Сен-Зин-По меднолицый юнкер.

– Бро-сай пулемет... чертова китаеза!! – хрипел он, и пена пузырями вскакивала у
него на губах, – сдавайся...

– Сдавайся!!! – выло и справа и слева, и золотые пятна и острые жала запрыгали
под самым скатом. А-р-ра-пах! – последний раз проиграл пулемет и разом стих.
Ходя встал, усилием воли задавил в себе боль в груди и ту зловещую тревогу, что
вдруг стеснила сердце. В последние мгновенья чудесным образом перед ним под
жарким солнцем успела мелькнуть потрескавшаяся земля и резная тень и поросль
золотого гаоляна. Ехать, ехать домой. Глуша боль, он вызвал на раскосом лице
лучезарный венчик и, теперь уже ясно чувствуя, что надежда умирает, все-таки
сказал, обращаясь к небу:

– Премиали... карасий виртузи... палата! палати!

И гигантский медно-красный юнкер ударил его, тяжело размахнувшись штыком, в
горло, так что перебил ему позвоночный столб. Черные часы с золотыми стрелками
успели прозвенеть мелодию грохочущими медными колоколами, и вокруг ходи
засверкал хрустальный зал. Никакая боль не может проникнуть в него. И ходя,
безбольный и спокойный, с примерзшей к лицу улыбкой, не слышал, как юнкера
кололи его штыками. "Иллюстрации "Петроградской правды", 1923, э 7

(иллюстрированное приложение к газете "Петроградская правда"). Публикуется по
книге: М. Булгаков. Дьяволиада, издательство "Недра", Мосполиграф, 1925. Михаил
Булгаков. Красная корона (Hiztoria mordi) [История болезни (лат.)] Больше всего
я ненавижу солнце, громкие человеческие голоса и стук. Частый, частый стук.
Людей боюсь до того, что, если вечером я слышу в коридоре чужие шаги и говор,
начинаю вскрикивать. Поэтому и комната у меня особенная, покойная и лучшая, в
самом конце коридора, э 27. Никто не может ко мне прийти. Но чтобы еще вернее
обезопасить себя, я долго упрашивал Ивана Васильевича (плакал перед ним) чтобы
он выдал мне удостоверение на машинке. Он согласился и написал, что я нахожусь
под его покровительством и что никто не имеет права меня взять. Но я не очень
верил, сказать по правде, в силу его подписи. Тогда он заставил подписать и
профессора и приложил к бумаге круглую синюю печать. Это другое дело. Я знаю
много случаев, когда люди оставались живы только благодаря тому, что у них нашли
в кармане бумажку с круглой печатью. Правда, того рабочего в Бердянске, со
щекой, вымазанной сажей, повесили на фонаре именно после того, как нашли у него
в сапоге скомканную бумажку с печатью... Она его загнала на фонарь, а фонарь
стал причиной моей болезни (не беспокойтесь, я прекрасно знаю, что я болен).
В сущности, еще раньше Коли со мной случилось что-то. Я ушел, чтоб не видеть,
как человека вешают, но страх ушел вместе со мной в трясущихся ногах. Тогда я,
конечно, не мог ничего поделывать, но теперь я смело бы сказал:

– Господин генерал, вы – зверь! Не смейте вешать людей!

Уже по этому вы можете видеть, что я не труслив, о печати заговорил не из страха
перед смертью. О нет, я ее не боюсь. Я сам застрелюсь, и это будет скоро, потому
что Коля доведет меня до отчаяния. Но я застрелюсь сам, чтобы не видеть и не
слышать колю. Мысль же, что придут другие люди. Это отвратно. Целыми днями
напролет я лежу на кушетке и смотрю в окно. Над нашим зеленым садом воздушный
провал, за ним желтая громада в семь этажей повернулась ко мне глухой беззаконной
стеной, и под самой крышей – огромный ржавый квадрат. Вывеска. Зуботехническая

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
лаборатория. Белыми буквами. Вначале я ее ненавижу. Потом привык, и если бы ее сняли, я, пожалуй, скучал бы без нее. Она маячит целый день, на ней сосредоточиваю внимание и размышляю о многих важных вещах. Но вот наступает вечер. Темнеет купол, исчезают из глаз белые буквы. Я становлюсь серым, растворяюсь в мрачной гуще, как растворяются мои мысли. Сумерки – страшное и значительное время суток. Все гаснет, все мешается. Рыженький кот начинает бродить бархатными шажками по коридорам, и изредка я вскрикиваю. Но света не позволяю зажигать, потому что если вспыхнет лампа, я целый вечер буду рыдать, заламывая руки. Лучше покорно ждать той минуты, когда в струистой тьме загорится самая важная, последняя картина. Старуха мать сказала мне:

– Я долго так не проживу. Я вижу: безумие. Ты старший, и я знаю, что ты любишь его. Верни Колю. Верни. Ты старший.
Я молчал.

Тогда она вложила в свои слова всю жажду и всю ее боль:

– Найди его! Ты притворяешься, что так нужно. Но я знаю тебя. Ты умный и давно уже понимаешь, что все это – безумие. Приведи его ко мне на день. Один. Я опять отпускаю его.

Она лгала. Разве она отпустила бы его опять?

Я молчал.

– Я только хочу поцеловать его глаза. Ведь все равно его убьют. Ведь жалко? Он – мой мальчик. Кого же мне еще просить? Ты старший. Приведи его.

Я не выдержал и сказал, пряча глаза:

– Хорошо.

Но она схватила меня за рукав и повернула так, чтобы глянуть в лицо.

– Нет, ты поклянись, что привезешь его живым.

Как можно дать такую клятву? Но я, безумный человек, поклялся:

– Клянусь. Мать малодушна. С этой мыслью я уехал. Но видел в Бердянске покосившийся фонарь. Господин генерал, я согласен, что я был преступен не менее вас, я страшно отвечаю за человека, выпачканного сажеей, но брат здесь ни при чем. Ему девятнадцать лет.

После Бердянска я твердо выполнил клятву и нашел его в двадцати верстах у речонки. Необыкновенно яркий был день. В мутных клубах белой пыли по дороге в деревню, от которой тянуло гарью, шагом шел конный строй. В первой шеренге с краю он ехал, надвинув козырек на глаза. Все помню: первая шпора спустилась к самому каблуку. Ремешок от фуражки тянулся по щеке под подбородок. – Коля! Коля!
– Я вскрикнул и побежал к придорожной канаве.

Он дрогнул. В шеренге хмурые потные солдаты повернули головы.

– А, брат! – крикнул он в ответ. Он меня почему-то никогда не называл по имени, а всегда – брат. Я старше его на десять лет. И он всегда внимательно слушал мои слова. – Стой. Стой здесь, – продолжал он, – у лесочка. Сейчас мы подойдем. Я не могу остановить эскадрон.

У опушки, в стороне от спешившегося эскадрона, мы курили жадно. Я был спокоен и тверд. Все – безумие. Мать была совершенно права.

И я шептал ему:

– Лишь только из деревни вернетесь, едешь со мной в город. И немедленно отсюда и навсегда.

– Что ты, брат?

– Молчи, – говорил я, – молчи. Я знаю.

Эскадрон сел. Колыхнулись, рысью пошли на черные клубы. И застучало вдали.

Частый, частый стук.

Что может случиться за один час? Придут обратно. И я стал ждать у палатки с красным крестом.

Через час я увидел его. Так же рысью он возвращался. А эскадрона не было. Лишь два всадника с пиками скакали по бокам, и один из них – правый то и дело склонялся к брату, как будто что-то шептал ему. Щурясь от солнца, я глядел на странный маскарад. Уехал в серенькой фуражке, вернулся в красной. И день окончился. Стал черный щит, на нем цветной головной убор. Не было волос и не было лба. Вместо него был красный венчик с желтыми зубьями-кочьями. Всадник – брат мой, в красной лохматой короне, сидел неподвижно на взмыленной лошади, и если б не поддерживал его бережно правый, можно было бы подумать: он едет на парад.

Всадник был горд в седле, но он был слеп и нем. Два красных пятна с потеками были там, где час назад светились ясные глаза...

Левый всадник спешился, левой рукой схватил повод, а правой тихонько потянул Колю за руку. Тот качнулся.

И голос сказал:

– Эх, вольноопределяющего нашего... осколком. Санитар, зови доктора...

Другой охнул и ответил:

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

- С-с... Что ж, брат, доктора? Тут давай попа.

Тогда флер черный стал гуще и все затаял, даже головной убор... Я ко всему привык. К белому нашему зданию, к сумеркам, к рыженькому коту, что трется у двери, но к его приходам я привыкнуть не могу. В первый раз еще внизу, в э 63, он вышел из стены. В красной короне. В этом не было ничего страшного. Таким его я вижу во сне. Но я прекрасно знаю: раз он в короне - значит, мертвый. И вот он говорил, шевелил губами, запекшимися кровью. Он расклеил их, свел ноги вместе, руку к короне приложил и сказал:

- Брат, я не могу оставить эскадрон.

И с тех пор всегда, всегда одно и то же. Приходит в гимнастерке с ремнями через плечо, с кривой шашкой и беззвучными шпорами и говорит одно и то же. Честь.

Затем:

- Брат, я не могу оставить эскадрон.

что он сделал со мной в первый раз! Он вспугнул всю клинику. Мое же дело было кончено. Я рассуждаю здраво: раз в венчике - убитый, а если убитый приходит и говорит - значит, я сошел с ума. Да. Вот сумерки. Важный час расплаты. Но был один раз, когда я заснул и увидел гостиную со старенькой мебелью красного плюша. Уютное кресло с треснувшей ножкой. В раме пыльной и черной, портрет на стене. Цветы на подставках. Пианино раскрыто, и партитура "Фауста" на нем. В дверях стоял он, и буйная радость зажгла мое сердце. Он не был всадником. Он был такой, как до проклятых дней. В черной тужурке с вымазанным мелом локтем. Живые глаза лукаво смеялись, и клок волос свисал на лоб. Он кивал головой:

- Брат, идем ко мне в комнату. Что я тебе покажу!..

В гостиной было светло от луча, что тянулся из глаз, и бремя угрызения растаяло во мне. Никогда не было зловещего дня, в который я послал его, сказав: "Иди", не было стука и дымогари. Он никогда не уезжал, и всадником он не был. Он играл на пианино, звучали белые костяшки, все брызгал золотой сноп, и голос был жив и смеялся. Потом я проснулся. И ничего нет. Ни света, ни глаз. Никогда больше не было такого сна. И зато в ту же ночь, чтобы усилить мою адову муку, все ж таки пришел, неслышно ступая, всадник в боевом снаряжении и сказал, как решил мне говорить вечно.

Я решил положить конец. Сказал ему с силой:

- Что же ты, вечный мой палач? Зачем ты ходишь? Я все сознаю. С тебя я снимаю вину на себя - за то, что послал тебя на смертное дело. Тяжесть того, что был повешен, тоже кладу на себя. Раз я это говорю, ты прости и оставь меня.

Господин генерал, он промолчал и не ушел,

Тогда я ожесточился от муки и всей моей волей пожелал, чтобы он хоть раз пришел к вам и руку к короне приложил. Уверю вас, вы были бы кончены, так же как и я. В два счета. Впрочем, может быть, вы тоже не одиноки в часы ночи? Кто знает, не ходит ли к вам тот, грязный, в саже, с фонаря в Бердянске? Если так, по справедливости мы терпим. Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы. По словесному приказу без номера.

Итак, он не ушел. Тогда я вспугнул его криком. Все встали. Прибежала фельдшерица, будили Ивана Васильевича. Я не хотел начать следующее дня, но мне не дали угробить себя. Связали полотном, из рук вырвали стекло, забинтовали. С тех пор я в номере двадцать седьмом. После снадобья я стал засыпать и слышал, как фельдшерица говорила в коридоре:

- Безнадежен.

Это верно. У меня нет надежды. Напрасно в жгучей тоске в сумерки я жду сна - старую знакомую комнату и мирный свет лучистых глаз. Ничего этого нет и никогда не будет.

Не тает бремя. И в ночь покорно жду, что придет знакомый всадник с незрячими глазами и скажет мне хрипло:

- Я не могу оставить эскадрон. Да, я безнадежен. Он замучит меня. "Накануне" (литературное приложение),

32 октября 1922 г. Михаил Булгаков. Налет (в волшебном фонаре) Разорвало черную кашу метели косым бледным огнем, и сразу из тучи вывалились длинные, темные лошадиные морды.

Храп. Потом ударило огнем второй раз, Абрам упал в глубокий снег под натиском бесформенной морды и страшной лошадиной груди, покатылся, не выпуская из рук... Стоптаный и смятый, поднялся в жемчужных, рассыпавшихся мухами столбах.

Холода он не почувствовал. Наоборот, по всему телу прошел очень сухой жар, и этот жар уступил место поту до ступней ног. Тогда же Абрам почувствовал, что это обозначает смертельный страх.

Вьюга и он - жаркий страх - залепили ему глаза, так что несколько мгновений он совсем ничего не видел. Черным и холодным косо мело, и проплыли перед глазами огненные кольца.

- Тильки стрельни... стрельни, сучья кровь, - сказал сверху голос, и Абрам

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
понял, что это – голос с лошади.

Тогда он вспомнил почему – то огонь в черной печечке, недописанную акварель на стене – зимний день, дом, чай и тепло. Понял, что случилось именно то нелепое и страшное, что мерещилось, когда Абрам, пугливо и настороженно стоя на посту, представлял себе, глядя в вертящуюся метель. Стрельни? О нет, стрелять он не думал. Абрам уронил винтовку в снег и судорожно вздохнул. Стрелять было бесполезно, морды коней торчали в поредевшем столбе метели, чернела недалеко сторожевая будка, и серой грудой тряпья казались сваленные в груды щиты. Совсем близко показался темный бесформенный второй часовой Стрельцов в остром башлыке, а третий, Щукин, пропал.

– Якого полку? – сипло спросил голос.

Абрам вздохнул, взвел глаза кверху, стремясь, вероятно, глянуть на минутку на небо, но сверху сыпало черным и холодным, винт свивался ввысь неба там не было никакого.

– Ну, ты мне заговоришь! – сказало тоже с высоты, но с другой стороны, и Абрам чутко тотчас услышал сквозь гудение вьюги большую сдержанную злобу. Абрам не успел заслониться. Черное и твердое мелькнуло перед лицом, как птица, затем яростная обжигающая боль раздробила ему челюсти, мозг и зубы, и показалось, что в огне треснула вся голова.

– А... а-га-а, – судорожно выговорил Абрам, хрустя костяной кашей во рту и давясь соленой кровью.

Тут же мгновенно вспыхнул Стрельцов – бледно-голубым и растерзанным – в конусе электрического фонарика и еще совершенно явственно означился третий часовой Щукин, лежавший, свернувшись, в сугробе,

– Якого?! – взвизгнула метель. Абрам, зная, что второй удар будет еще страшнее первого, задохнувшись, ответил:

– Караульного полка. Стрельцов погас, потом вновь вспыхнул. Мушки метели неслись беззлобным роем, прыгали, кувыркались в ярком конусе света.

– Тю! Жиды взяли! – резнул голос в темноте за фонарем, а фонарь повернулся, потушил Стрельцова и в самые глаза Абраму впился большим выпуклым глазом. Зрачок в нем сверкал. Абрам увидел кровь на своих руках, ногу в стремени и черное острое дуло из деревянной кобуры.

– Жид, жид! – радостно пробурчал ураган за спиной.

– И другой? – жадно откликнулся бас.

Слышало только левое ухо Абрама, правое было мертво, как мертва щека и мозг. Рукой Абрам вытер липкую густую кровь с губ, причем огненная боль прошла по левой щеке в грудь и сердце. Фонарь погасил половину Абрама, а всего Стрельцова показал в кругу света. Рука с седла сбила папаху с головы Стрельцова, и прядь волос на нем стала дыбом.

Стрельцов качнул головой открыл рот и неожиданно сказал слабо в порохе метели:
– У-у, бандитье. Язвы вашу душу.

Свет прыгнул вверх, потом в ноги Абраму. Глухо ударили Стрельцова. Затем опять наехала морда. Оба – Абрам и Стрельцов – стояли рядом у высоченной груды щитов все в том же голубоватом сиянии фонарика, а в упор перед ними метались, спешиваясь, люди в серых шинелях. В конус попадала то винтовка с рукой, то красный хвост с галуном и кистью на папаче, то брнчащий, зажеванный, в беловатой пене мундштук.

Светились два огня – белый на станции, холодный и высокий, и низенький, похороненный в снегу на той стороне за полотном. Мело все реже, все жиже, и не гудело, и не шарахало, высыпая в лицо и за шею сухие, холодные тучи, летела ровно и плавно в конус слабеющая метель.

Стрельцов стоял с лицом, залепленным красной маской, – его били долго и тяжело за дерзость, размолотив всю голову. От ударов он остервенел, стал совершенно нечувствительным и, глядя одним глазом, зрячим и ненавистным, а другим – зрячим багровым, опираясь вывернутыми руками на штабель, сипя и харкая кровью, говорил:

– Ух... бандитье... У, мать вашу... Всех половят, всех расстреляют, всех.

Иногда вскакивала в конус фигура с черным костлявым пистолетом в руке и была рукояткою Стрельцова. Он тогда ослабевал, рычал, и ноги его отползали от штабеля, и удерживался он только руками.

– Скорейше!

– Скорей!

Со стороны высокого белого стационарного огня донесся веером залп и пропал:

– Ну, бей, бей же скорей! – сипло вскрикнул Стрельцов, – нечего людей мучить зря.

Стрельцов стоял в одной рубашке и желтых стеганых штанах; шинели и сапог на нем не было, и размотавшиеся пятнистые портянки ползли за ним, когда отползали от щитов. Абрам же был в своей гадкой шинели и в валенках. Никто на них не

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
польстился, и золотистая солома мирно глядела из правого разорванного носа
также, как и всегда.

Лицо у Абрама было никем никогда не виданное.

- Жид смеется! - удивилась тьма за конусом.

- Он мне посмеется, - ответил бас.

У Абрама сами собой не щекотно и не больно вытекали из глаз слезы, а рот был
разодран, словно он улыбнулся чему-то, да так и остался. Расстегнутая шинель
распахнулась, и руками он почему-то держался за канты своих черных штанов,
молчал и смотрел на выпуклый глаз с ослепляющим зрачком.

"Так вот все и кончилось, - думал он, - как я и полагал. Акварели не увижу ни в
коем случае больше, ни огня. И ничего не случится. Нечего ждать конец".

- А ну, - подстерегала тьма. Сдвинулся конус, глаз перешел влево и прямо в
темноте, против часовых в дырочках винтовок притаился этот самый черный конец.
Тут Абрам разом ослабел и стал оползать - ноги поехали. Поэтому сверкнувшего
конца он совсем не почувствовал. Винтом унесло метель по полотну, и в час все
изменилось. Перестало сыпать сверху и с боков. Далеко, над снежными полями
разорвало тучи, их сносило, и в прорези временами выглядывал край венца на
золотой луне. Тогда на поле ложился жидко-молочный коварный отсвет, и рельсы
струились вдаль, а груды щитов становилась черной и уродливой. Высокий огонь на
станции ослабел, а желтоватый, низенький, был неизменен. Его первым увидел
Абрам, приподняв веки, и очень долго, как прикованный, смотрел на него. Огонь
был неизменен, но веки Абрама то открывались, то закрывались, и поэтому
чудилось, что тот огонь мигает и щурится.

Мысли у Абрама были странные, тяжелые, необъяснимые и вялые - о том, почему он
не сошел с ума, об удивительном чуде и о желтом огне...

Ноги он волочил, как перебитые, работая локтями по снегу, тянул простреленную
грудь и полз к Стрельцову очень долго: минут пять - пять шагов. Когда дополз,
рукой ощупал его, убедился, что Стрельцов холодный, занесенный снегом, и стал
отползать. Стал на колени, потом покачался, напрягся и встал на ноги, зажал
грудь обеими руками. Прошел немного, свалился и опять пополз к полотну, никогда
не теряя из виду желтый огонь.

- Кто же это, Господи? Кто? - женщина спросила в испуге, цепляясь за скобу
двери. - Одна я, ей-богу, ребенок больной. Идите себе на станцию, идите.

- Пусти меня, пусти. Я ранен, - настойчиво повторял Абрам, но голос его был сух,
тонок и певуч. Руками он хватался за дверь, но рука не слушалась и соскакивала,
и Абрам больше всего боялся, что женщина закроет дверь. - Ранен я, слышите, -
повторил он.

- Ой, лишенько, - ответила женщина и приоткрыла дверь.

Абрам на коленях вполз в черные сенцы. У женщины провалились в кругах глаза, и
она смотрела на ползущего, а Абрам смотрел вперед на желтый огонь и видел его
совсем близко. Он шипел в трехлинейной лампочке. Вполне ночь расцвела уже под
самое утро. Студеная и вся усеянная звездами. Крестами, кустами, квадратами -
звезды сидели над погребенной землей, и в самой высшей точке и далеко за
молчащими лесами на горизонте. Холод, мороз и радужный венец на склоне неба, у
луны.

В сторожке у полотна был душный мир, и огонек, по-прежнему неутомимый и желтый,
горел скупно, с шипением.

Сторожиха бессонно сидела на лавке у стола, глядела мимо огня на печь, где под
грудой тряпья и бараньим тулупом с шипением жило тело Абрама.

Жар ходил волнами от мозга к ногам, потом возвращался в грудь и стремился задуть
ледяную свечку, сидящую в сердце. Она ритмически сжималась и расширялась,
отсчитывая секунды, и выбивала их ровно и тихо. Абрам свечки не слышал, он
слышал ровное шипение огня в трехлинейном стекле, причем ему казалось, что огонь
живет в его голове, и этому огню Абрам рассказывал про винт метели, про дробящую
боль в скулах и мозгу, про Стрельцова, занесенного снегом. Абрам хотел

Стрельцова вынуть из сугроба и вытащить на печь, но тот был тяжелый и грузный,
как вбитый в землю кол. Абрам хотел мучительный желтый огонь в мозгу вынуть и
выбросить, но огонь упорно сидел и выжигал все, что было внутри оглохшей головы.
Ледяная стрелка в сердце делала перебой, и часы жизни начинали идти странным
образом, наоборот, - холод вместо жара шел от головы к ногам, свечка
перемещалась в голову, а желтый огонь в сердце, и сломанное тело Абрама колотило
мелкой дрожью в терции, в перебой и нелад со стуком жизни, и уже мало было
бараньего меха, и хотелось доверху заложить мехами всю сторожку, съежиться и
лечь на раскаленные кирпичи. Прошли годы. И случилось столь же радостное, сколь
и неестественное событие: в клуб привезли дрова.

Конечно, они были сырые, но и сырые дрова загораются - загорелись и эти. Устье
печки изрыгало уродливых огненных чертей, жар выплывал и танцевал на засохшей
елочной гирлянде, на лентах портрета, выхватывая край бороды, на полу и на лице

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Брони. Броня сидела на корточках у самого устья, глядела в пламя, охватив колени руками, и бурочные мохнатые сапоги торчали носами и нагревались от огненного черта. Голова Брони была маково-красной от неизменной повязки, стянутой в лихой узел.

Остальные сидели на дырявых стульях полукругом и слушали, как повествовал Грузный. Як басом рассказал про атаки, про студёные ночи, про жгучую войну. Получилось так, что Як был храбрый и неунывающий человек. И действительно, он был храбрый. Когда он кончил, плюнул в серое, перетянутое в талии ведро и выпустил клуб паршивого дыма от гнилого, дешевого табаку.

– Теперь Абрам, – сказала Броня, – сущий профессор. Он тоже может рассказать что-нибудь интересенькое. Ваша очередь, Абрам, – она говорила с запинкой, потому что Абрам – единственный, недавний, приезжий человек получал от нее в разговоре вы.

Маленький, взъерошенный, как воробей, вылез из заднего ряда и попал в пламя во всей своей красоте. На нем была куртка на вате, как некогда носили лабазники, и замечательные на всем рабфаке и вряд ли в целом мире не единственные штаны: коричневые, со странным зеленоватым отливом, широкие сверху и узкие внизу. Правое ухо башмака они почему-то никогда не закрывали и покоились сверху, позволяя каждому видеть полосу серого Абрамова чулка.

Обладатель брюк был глух и поэтому на лице всегда сохранял вежливую конфузливую улыбку, в нужных случаях руку щитком прикладывал к левому уху.

– Ваша очередь, Абрам, – распорядилась Броня громко, как все говорили с ним, – вы, вероятно, не воевали, так вы расскажите что-нибудь вообще.

Взъерошенный воробей поглядел в печь и, сдерживая голос, чтобы не говорить громче, чем надо, стал рассказывать. В конце концов он увлекся и, обращаясь к пламени и к маковой Брониной повязке, рассказывал страстно. Он хотел вложить в рассказ все: и винт метели, и внезапные лошадиные морды, и какой бывает бесформенный страшный страх, когда умираешь, а надежды нет. Говорил в третьем лице про двух часовых караульного полка, говорил, жалостливо поднимая брови, как недострелили одного из них и он пополз прямо, все время на желтый огонь, про бабу-сторожиху, про госпиталь, в котором врач ручался, что часовой ни за что не выживет, и как этот часовой выжил... Абрам левую руку держал в кармане куртки, а правой указывал в печь на огонь, как будто бы там огонь и рисовал ему эту картину. Когда кончил, то посмотрел в печку с ужасом и сказал:

– Вот так.

Все помолчали.

Як снисходительно посмотрел на коричневые штаны и сказал:

– Бывало... Отчего ж... Это бывало на Украине... А это с кем произошло?

Воробей помолчал и ответил серьезно:

– Это со мной произошло.

Потом помолчал и добавил:

– Ну, я пойду в библиотеку.

И ушел, по своему обыкновению прихрамывая.

Все головы повернулись ему вслед, и все долго смотрели, не отрываясь, на коричневые штаны, пока ноги Абрама не пересекли весь большой зал и не скрылись в дверях. М.Б.

"Гудок", 25 декабря 1923 Михаил Булгаков. Необыкновенные приключения доктора Доктор N, мой друг, пропал. По одной версии его убили, по другой – он утонул во время посадки в Новороссийске, по третьей – он жив и здоров и находится в Буэнос-Айресе.

Как бы там ни было, чемодан, содержащий в себе 3 ночных сорочки, бритвенную кисточку, карманную рецептуру доктора Рабова (изд. 1916 г.), две пары носков, фотографию профессора Мечникова, окаменевшую французскую булку, роман "Марья Лусьева за границей", 6 порошков пирамидона по 0,3 и записную книжку доктора, попал в руки его сестры.

Сестра послала записную книжку по почте мне вместе с письмом, начинавшимся словами: "Вы литератор и его друг, напечатайте, т. к. это интересно"... (далее женские рассуждения на тему "О пользе чтения", пересыпанные пятнами от слез.) Я не нахожу, чтоб это было особенно интересно – некоторые места совершенно нельзя разобрать (у доктора N отвратительный почерк), тем не менее печатаю бессвязные записки из книжки доктора без всяких изменений, лишь разбив их на главы и переименовав их.

Само собой, что гонорар я отправлю доктору N в Буэнос-Айрес, как только получу точные сведения, что он действительно там. I. БЕЗ ЗАГЛАВИЯ – ПРОСТО ВОПЛЬ за что ты гонишь меня, судьба?! Почему я не родился сто лет тому назад? Или еще лучше: через сто лет. А еще лучше, если б я совсем не родился. Сегодня один тип мне сказал: "Зато вам будет что порассказать вашим внукам!" Болван такой! Как будто единственная мечта у меня – это под старость рассказывать внукам всякий вздор о

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
том, как я висел на заборе!..
И притом не только внуков, но даже и детей у меня не будет, потому что, если так
будет продолжаться, меня, несомненно, убьют в самом ближайшем времени...
К черту внуков. Моя специальность – бактериология. Моя любовь – зеленая лампа и
книги в моем кабинете. Я с детства ненавидел Фенимора Купера, Шерлока Холмса,
тигров и ружейные выстрелы, Наполеона, войны и всякого рода молодецкие подвиги
матроса Кошки.
У меня нет к этому склонности. У меня склонность к бактериологии.
А между тем...
Погасла зеленая лампа. "Химиотерапия спириллезных заболеваний" валяется на полу.
Стреляют в переулке. Меня мобилизовала пятая по счету власть.

..... II.
ЙОД СПАСЕТ ЖИЗНЬ вечер... декабря.

Пятую власть выкинули, а я чуть жизни не лишился... К пяти часам дня все
спуталось. Мороз. На восточной окраине пулеметы стрекотали. Это "ихние". На
западной пулеметы – "наши". Бегут какие-то с винтовками. Вообще – вздор.
Извозчики едут. Слышу, говорят: "Новая власть тут..."
"Ваша часть (какая, к черту, она моя!!) на Владимирской". Бегу по Владимирской и
ничего не понимаю. Суматоха какая-то. Спрашиваю всех, где "моя" часть... Но все
летят, и никто не отвечает. И вдруг вижу – какие-то с красными хвостами на
шапках пересекают улицу и кричат:
– Держи его! Держи!
Я оглянулся – кого это?
Оказывается – меня!
Тут только я сообразил, что надо было делать – просто-напросто бежать домой! И я
кинулся бежать. Какое счастье, что догадался юркнуть в переулок. А там сад.
Забор. Я на забор.
Те кричат:
– Стой!

Но как я ни неопытен во всех этих войнах, а понял инстинктом, что стоять вовсе
не следует. И через забор. Вслед: трах! трах! И вот откуда-то злобный,
взъерошенный белый пес ко мне. Ухватился за шинель, рвет вдребезги. Я свесился с
забора. Одной рукой держусь, в другой банка с йодом (200 gr.) Великолепный
германский йод. Размышлять некогда. Сзади топот. Погубит меня пес. Размахнулся и
ударил его банкой по голове. Пес моментально окрасился в рыжий цвет, взвыл и
исчез. Я через сад. Калитка. Переулок. Тишина. Домой...

...До сих пор не могу отдышаться!
...Ночью стреляли из пушек на юге, но чьи это – уж не знаю. Безумно йода жаль.
III. НОЧЬ СО 2 НА 3 Происходит что-то неопишное... Новую власть тоже выгнали.
Хуже нее ничего на свете не может быть. Слава Богу. Слава Богу. Слава...
Меня мобилизовали вчера. Нет, позавчера. Я сутки провел на обледеневшем мосту.
Ночью 15 градусов ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь.
Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы были посредине. Потом все
побежали в город. Я никогда не видел такой давки. Конные. Пешие. И пушки ехали,
и кухни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию.
Только тогда я догадался бежать. Все ставни были закрыты, все подъезды были
заколочены. Я бежал у церкви с пухлыми белыми колоннами. Мне стреляли вслед. Но
не попали. Я спрятался во дворе под навесом и просидел там два часа. Когда луна
скрылась, вышел. По мертвым улицам бежал домой. Ни одного человека не встретил.
Когда бежал, размышлял о своей судьбе. Она смеется надо мной. Я – доктор,
готовлю диссертацию, ночью сидел, как крыса, притаившись, в чужом дворе!
Временами я жалею, что я не писатель. Но, впрочем, кто поверит! Я убежден, что,
попадись эти мои заметки кому-нибудь в руки, он подумает, что я все это выдумал.

Под утро стреляли из пушек. IV. ИТАЛЬЯНСКАЯ ГАРМОШКА 15 февраля.
Сегодня пришел конный полк, занял весь квартал. Вечером ко мне на прием явился
один из 2-го эскадрона (эмфизема). Играл в приемной, ожидая очереди, на большой
итальянской гармонии. Великолепно играет этот эмфизематик ("На сопках
Маньчжурии"), но пациенты были страшно смущены, и выслушивать совершенно
невозможно. Я принял его вне очереди. Моя квартира ему очень понравилась. Хочет
переселиться ко мне со взводным. Спрашивает, есть ли у меня граммофон...
Эмфизематику лекарство в аптеке сделали в двадцать минут и даром. Это
замечательно, честное слово! 17 февраля.
Спал сегодня ночью – граммофон внизу сломался.
Достал бумажки с 18 печатями о том, что меня нельзя уплотнить, и наклеил на
парадной двери, на двери кабинета и в столовой. 21 февр. Меня уплотнили... 22
февр.
...И мобилизовали. ...марта

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Конный полк ушел воевать с каким-то атаманом. За полком на подводе ехал
граммофон и играл "Вы просите песен". Какое все-таки приятное изобретение.
Из пушек стреляли под утро... V

..... VI
Артиллерийская подготовка и сапоги

..... VII
Кончено. Меня увозят.....

...Из пушек..... VIII.

...И
ХАНКАЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ Сентябрь.
Временами мне кажется, что все это сон. Бог грозный наворотил горы. В ущельях
плывут туманы. В прорезях гор грозовые тучи. И бурно плещет по камням
...мутный вал.

Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал.

Узун-Хаджи в Чечен-ауле. Аул растянулся на плоскости на фоне синеватой дымки
гор. В плоском Ханкальском ущелье пылят по дорогам арбы, двуколки.

Кизляр-гребенские казаки стали на левом фланге, гусары на правом. На
вытопанных кукурузных полях батареи. Бьют шрапнелью по Узуну. Чеченцы как черти
дерутся с "белыми чертями". У речонки, на берегу которой валяется разбухший труп
лошади, на двуколке треплется красно-крестный флаг. Сюда волокут ко мне
окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках.

Грозовая туча ушла за горы. Льет жгучее солнце, и я жадно глотаю смрадную воду
из манерки. Мечутся две сестры, поднимают бессильные свесившиеся головы на
солومه двуколок, перевязывают белыми бинтами, поят водой.

Пулеметы гремят дружно целой стаей.

Чеченцы шпарят из аула. Бьются отчаянно. Но ничего не выйдет. Возьмут аул и
зажгут. Где ж им с двумя паршивыми трехдюймовками устоять против трех батарей
кубанской пехоты...

С гортанными воплями понесся их лихой конный полк вытопанными, выжженными
кукурузными пространствами. Ударил с фланга в терских казачков. Те чуть теку не
дали. Но подсыпали кубанцы, опять застрочили пулеметы и загнали наездников за
кукурузные поля на плато, где видны в бинокль обреченные сакли. Ночь.

Все тише, тише стрельба. Гуще сумрак, таинственнее тени. Потом бархатный полог и
бескрайний звездный океан. Ручей сердито плещет. Фыркают лошади, а на правой
стороне в кубанских батальонах горят, мигая, костры. Чем черней, тем страшней и
тоскливей на душе. Наш костер трещит. Дымом то на меня потянет, то в сторону
отнесет. Лица казаков в трепетном свете изменчивые, странные. Вырываются из
тьмы, опять ныряют в темную бездну. А ночь нарастает безграничная, черная,
ползучая. Шалит, пугает. Ущелье длинное. В ночных бархатах - неизвестность. Тыла
нет. И начинает казаться, что оживает за спиной дубовая роща. Может, там уже
ползут, припадая к росистой траве, тени в черкесках. Ползут, ползут... И глазом
не успеешь моргнуть: вылетят бешеные тени, распаленные ненавистью, с воем, с
визгом и... аминь!

Тьфу, черт возьми!

- Поручиться нельзя, - философски отвечает на кой-какие дилетантские мои
соображения относительно непорочности и каверзости этой ночи сидящий у костра
Терского 3-го конного казачок, - заскочить с хлангу. Бывало.

Ах, типун на язык! "С хлангу"! Господи Боже мой! Что же это такое! Навоз жуют
лошади, дула винтовок в огненных отблесках. "Поручиться нельзя"! Туманы в тьме.
Узун-Хаджи в роковом ауле...

Да что я, Лермонтов, что ли! Это, кажется, по его специальности? При чем здесь
я!!

Заваливаюсь на брезент, съезживаюсь в шинели и начинаю глядеть в бархатный купол
с алмазными брызгами. И тотчас взвивается надо мной мутно-белая птица тоски.
Встает зеленая лампа, круг света на глянцеваых листах, стены кабинета... Все
полетело верхним концом вниз и к чертовой матери! За тысячи верст на брезенте, в
страшной ночи. В Ханкальском ущелье...

Но все-таки наступает сон. Но какой? То лампа под абажуром, то гигантский темный
абажур ночи и в нем пляшущий огонь костра. То тихий скрип пера, то треск
огненных кукурузных стеблей. Вдруг утонешь в мутноватой сонной мгле, но
вздрагнешь и вскинешься. Загремели шашки, взвыли гортанные голоса, засверкали
кинжалы, газыри с серебряными головками... Ах!.. Напали!

...да нет! Это чудится... Все тихо. Пофыркивают лошади, рядами лежат черные
бурки - спят истомленные казаки. И золой покрываются угли, и холодом тянет

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
сверху. Встает бледный далекий рассвет.
Усталость нечеловеческая. Уж и на чеченцев наплевать. Век не поднимешь - свинец.
Пропадает из глаз умирающий костер... Наскочат с "хлангу", как кур зарежут. Ну и зарежут. Какая разница...
Противный этот Лермонтов. Всегда терпеть не мог. Хаджи. Узун. В красном переплете в одном томе. На переплете золотой офицер с незрячими глазами и эполеты крылышками. "Тебя я, вольный сын эфира". Склянка-то с эфиром лопнула на солнце... Мягче, мягче, глуше, темней. Сон. IX. ДЫМ И ПУХ Утро.
Готово дело. С плато поднялись клубы черного дыма. Терцы поскакали за кукурузные пространства. Опять взвыл пулемет, но очень скоро перестал.
Взяли Чечен-аул...
И вот мы на плато. Огненные столбы взлетают к небу. Пылают белые домики, заборы, трещат деревья. По кривым улочкам метет пламенная вьюга, отдельные дымки свивают в одну тучу, и ее тихо относит на задний план к декорации оперы "Демон".
Пухом полна земля и воздух. Лихие гребенские станичники проносятся вихрем к аулу, потом обратно. За седлами, пачками связанные, в ужасе воют куры и гуси.
У нас на стоянке с утра идет лукулловский пир. Пятнадцать кур бухнули в котел. Золотистый, жирный бульон - объединение. Кур режет Шугаев, как Ирод младенцев.
А там, в таинственном провале между массивами, по склонам которых ползет и тает клочковатый туман, пылая мщением, уходит таинственный Узун со всадниками.
Голову даю на отсечение, что все это кончится скверно. И поделом - не жги аулов.

Для меня тоже кончится скверно. Но с этой мыслью я уже помирился. Стараюсь внушить себе, что это я вижу соц. Длинный и скверный.
Я всегда говорил, что фельдшер Голендюк - умный человек. Сегодня ночью он пропал без вести. Но хотя вести он и не оставил, я догадываюсь, что он находится на пути к своей заветной цели, именно на пути к железной дороге, на конце которой стоит городок. В городке его семейство. Начальство приказало мне "произвести расследование". С удовольствием. Сажу на ящике с медикаментами и произвожу. Результат расследования: фельдшер Голендюк пропал без вести. В ночь с такого-то на такое-то число. Точка. X. ДОСТУКАЛСЯ И ДО ЧЕЧЕНЦЕВ Жаркий, сентябрьский день.

...Скандал! Я потерял свой отряд. Как это могло произойти? Вопрос глупый, здесь все может произойти. Что угодно. Коротко говоря: нет отряда.
Над головой раскаленное солнце, кругом выжженная травка. Забытая колея. У колеи двуколка, в двуколке я, санитар Шугаев и бинокль. Но главное - ни души. Ну ни души на плато. Сколько ни шарил стекла Цейса - ни черта. Сквозь землю провалились все. И десятитысячный отряд с пушками, и чеченцы. Если бы не дымок от догорающего в верстах пяти чечена, я бы подумал, что здесь и никогда вообще людей не бывало.

Шугаев встал во весь рост в двуколке, посмотрел налево, повернулся на 180 градусов, посмотрел и направо, и назад, и вперед, и вверх и слез со словами: - Паршиво.

Лучше ничего сказать нельзя. Что произойдет в случае встречи с чеченцами, у которых спалили пять аулов, предсказать не трудно. Для этого не нужно быть пророком...

Что же, буду записывать в книжечку до последнего. Это интересно.

Поехали наобум.

...Ворон взмыл кверху. Другой вниз. А вон и третий. Чего это они крутятся? Подъезжаем. У края брошенной заросшей дороги лежит чеченец. Руки разбросал крестом. Голова закинута. Лохмотья черной черкески. Ноги голые. Кинжала нет. Патронов в газырях нет. Казачки народ запасливый, вроде гоголевского Осипа: - И веревочка пригодится.

Под левой скулой черная дыра, от нее на грудь, как орденская лента, тянется выгоревший под солнцем кровавый след. Изумрудные мухи суетятся, облепив дыру. Раздраженные вороны вьются невысоко, покрякивают...

Дальше!

...Цейс галлюцинирует! Холм, а на холме на самой вершине - венский стул! Кругом пустыня! Кто на гору затащил стул? Зачем?..

...Объехали холм осторожно. Никого. Уехали, а стул все лежит.

Жарко. Хорошо, что полную манерку захватил.

Под вечер.

Готово! Налетели. Вот они, горы, в двух шагах. Вон ущелье. А из ущелья катят. Кони-то, кони! Шашки в серебре... Интересно, кому достанется моя записная книжка? Так никто и не прочтет! У Шугаева лицо цвета зеленоватого. Вероятно, и у меня такое же. Машинально пошевелил браунинг в кармане. Глупости. Что он поможет! Шугаев дернулся. Хотел погнать лошадей и замер.

Глупости. Кони у них - смотреть приятно. Куда ускачешь на двух обозных? Да и

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
шагу не сделаешь. Вскинет любой винтовку, приложится, и кончен бал.

- Э-хе-хе, - только и произнес Шугаев.
Заметили. Подняли пыль. Летят к нам. Доскакали. Зубы белые сверкают, серебро сверкает. Глянул на солнышко. До свиданья, солнышко...

...И чудеса в решетке!.. Наскакали, лошади кругом танцуют. Не хватают... галдят:
-Та-ла-га-га!

Черт их знает, что они хотят. Впился рукой в кармане в ручку браунинга, предохранитель на огонь перевел. Схватят - суну в рот. Так оно лучше. Так научили.

А те галдят, в грудь себя бьют, зубы скалят, указывают вдаль.

- А-ля-ма-мя... Болгатоз-э!

- Шали-аул! Га-го-гыр-гыр.

Шугаев человек бывалый. Опытный. Вдруг румянцем по зелени окрасился, руками замахал, заговорил на каком-то изумительном языке:

- Шали, говоришь? Так, так. Наша Шали-аул пошла? Так, так. Болгатоз. А наши-то где? Там?

Те расцвели улыбками, зубы изумительные. Руками машут, головами кивают.

Шугаев окончательно приобрел нормальный цвет лица.

- Мирные! Мирные, господин доктор! Замирили их. Говорят, что наши через Болгатоз на Шали-аул пошли. Проводить хотят! Да вот и наши! С места не сойти, наши!

Глянул - внизу у склона пылит. Уходит хвост колонны. Шугаев лучше Цейса видит.

У чечен лица любовные. Глаз с Цейса не сводят.

- Понравился бинок, - хихикнул Шугаев.

- Ох, и сам я вижу, что понравился. Ох, понравился. Догнать бы скорей колонну!

Шугаев трясется на облучке, читает мысли, утешает.

- Не извольте беспокоиться. Тут не тронут. Вон они, наши! Вон они! Но ежели бы версты две подальше, - он только рукой махнул.

А кругом:

- Гыр... гыр!

Хоть бы одно слово я понимал! А Шугаев понимает и сам разговаривает. И руками, и языком. Скачут рядом, шашками побрякивают. В жизнь не ездил с таким конвоем...

XI. У КОСТРА Горит аул. Узуна гонят. Ночь холодная. Жмется к костру. Пламя играет на рукоятках. Они сидят поджавши ноги и загадочно смотрят на красный крест на моем рукаве. Это замиренные, покорившиеся. Наши союзники. Шугаев пальцами и языком рассказывает, что я самый главный и важный доктор. Те кивают головами, на лицах почтение, в глазах блеск. Но ежели бы версты две подальше...

XII
XIII Декабрь.

Эшелон готов. Пьяны все. Командир, казаки, кондукторская бригада и, что хуже всего, машинист. Мороз 18 градусов. Теплушки как лед. Печки ни одной. Выехали ночью глубокой. Задвинули двери теплушки. Закутались во что попало. Спиртом я сам поил всех санитаров. Не пропадать же, в самом деле, людям! Колыхнулась теплушка, залязгало, застучало внизу. Покатились.

Не помню, как я заснул и как проснулся. Но зато ясно помню, как я, скатываясь под откос, запорошенный снегом, видел, что вагоны с треском раздавливали, как спичечные коробки. Они лезли друг на друга. В мутном рассвете сыпались из вагонов люди. Стон и вой. Машинист загнал, не смотря на огонь семафора, эшелон на встречный поезд...

Шугаева жалко. Ногу переломил. До утра в станционной комнате перевязывал раненых и осматривал убитых...

Когда перевязал последнего, вышел на загроможденное обломками полотно. Посмотрел на бледное небо. Посмотрел кругом...

Тень фельдшера Голендюка встала передо мной... Но куда, к черту! Я интеллигент.

XIV. ВЕЛИКИЙ ПРОВАЛ Февраль.

Хаос. Станция горела. Потом несясь в поезде. Швыряло последнюю теплушку...

Безумие какое-то. И сюда накатила волна...

Сегодня я сообразил наконец. О, бессмертный Голендюк! Довольно глупости, безумия. В один год я перевидал столько, что хватало бы Майн Рида на 10 томов. Но я не Майн Рид и не Буссенар. Я сыт по горло и совершенно загрызен вшами. Быть интеллигентом вовсе не значит обязательно быть идиотом...

Довольно!

Все ближе море! Море! Море!

Проклятие войнам отныне и вовеки! Журнал "Рупор", 1922, вып. 2. Михаил Булгаков. Ноября 7-го дни (как Москва праздновала) За день, за два до праздника окна во многих магазинах уже стали наливаться красным светом. Там развесили ряды лампочек и гирлянды, протянули ленты, выставили портреты вождей революции.

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
К вечеру, когда рабочие и служебная Москва разбегаются по домам, среди бледных огней магазинов уже светились эти красные теплые ниши, напоминавшие о том, что приближается годовщина.

А на площади, перед зданием Московского Совета, целый день до позднего вечера сутились рабочие и горели жаровни. Рабочие отстраивали портал, новые белые стены, разбивали клумбы и цветники.

Накануне праздника торговля стала угасать к 5 часам дня. В дверях магазинов появились таблички с надписью "закрыто". Балконы оделись полотнищами. На балконах появились бюсты и портреты. По стенам протянулись гирлянды, а на здании Московского Совета вечером загорелся ослепительный треугольник, под ним цифра "VI".

Праздник 7 ноября первыми начали дети.

По улицам загудели грузовики, набитые ребятами, как кузова грибами. С платформы глядели белые, красные головенки, торчали острые флажки. Грузовики ездили и гудели, как шмели, и ребяташки кричали, приветствуя всех встречных и поперечных, все первые, собирающиеся на площадях колонны со знаменами.

Милиция вышла парадная по-особенному – в новых кепи с красными верхами, с мерлушковой оторочкой, в новых шинелях.

В полдень на Тверской, сколько хватал глаз, стояла непрерывная густая лента, а над лентою был лес знамен.

Когда многотысячные толпы шли, они пели, оркестры, глядевшие в черной гуще своими сияющими раструбами, играли... Когда движение останавливалось, в группах закипала чехарда, друг друга качали, боролись, хохотали. У здания Моссовета, в густой людской толпе медленно продвигался искусственный паровоз Московско-Балтийской дороги, устроенный из огромного грузовика. Он был совсем как живой, но в смотровые окна выглядывали не машинист с кочегаром, а все те же детские лица.

Мать несла своего двухлетнего ребенка на руках в толпе, и он смотрел по сторонам и что-то лопотал и взмахивал руками. А когда вдруг заиграли оркестры и началось пение, он не выдержал и стал прыгать у нее на руках и что-то кричать.

В эту годовщину на улицы вышли не только спянные и стройные колонны рабочих со своими плакатами, но мимо них непрерывно шли толпами, кучками, отдельно обыватели – мужчины и женщины, которые вели своих ребят и говорили:

– Вырастешь, и ты пойдешь.

Когда через Красную площадь прошли последние ряды, толпы народа разошлись по всей Москве и стемнело, над зданием Московского Совета опять загорелся пунктирный огненный треугольник, по всей Москве рассеялись красные пятна огней, и в небе разливался бледный электрический отсвет, так что далеко было видно, как иллюминировала себя Москва в шестую годовщину Октябрьской революции 7-го ноября 1923 года. "Гудок", 9 ноября 1923г. Михаил Булгаков. Остерегайтесь подделок! Мы

надеемся только на наших бывших союзников французов и в особенности на господина

Пуанкаре...

(Из "манифеста" русских рабочих, напечатанного в "Новом

Времени") – Не верят, подлецы! – сказал Михаил Суворин. – Говорит, русские рабочие такого и имени не выговорят: Пуанкаре. Прямо голову теряю. Если уж этот манифест необедителен, так не знаю, что и предпринять!

– Я вот что думаю, – сказал Ренников, – пошлем депутацию в "Роте фане". От русских рабочих. Мне Коко Шаховской обещал опытных исполнителей найти, которые в "Плодах Просвещения" играли. Такие мужички выйдут – пальчики оближете...

– Ну, ну, – сказал устало Суворин.

Редактор "Роте фане" строго смотрел на депутатов и спрашивал: "А откуда вы, товарищи, так бойко немецкий язык знаете? Прямо удивительно!"

– Это от пленных, – быстро отпарировал глава депутации, незамужний хлебобор Варсонофий Тыква. – За время войны их у нас по деревням много перебивало.

– Хороший народ – немецкие пленные! – поддержал Степан Сквозняков, питерский рабочий, – ведь вот и национальности враждебной и обычаев других, а как сошлись с нами... Прямо по пословице: les ektremites se touchent...

– французскому языку вы, вероятно, тоже от пленных выучились? иронически спросил редактор.

Депутаты смешались. От конфуза Степан Сквозняков даже вынул откуда-то из-за пазухи монокль и вставил его в глаз. Но услышав подозрительное шиканье остальных, спохватился и поспешил спрятать его обратно.

– Так вы говорите, Пуанкаре – самое популярное имя среди русских рабочих? – продолжал спрашивать редактор "Роте фане".

– Это уж наверняка! – сказал твердо Остап Степной, по мандату башкирский

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
кочевник. – Я рабочий быт – во как знаю. У моего дяди, слава Богу, два завода было...

– В Башкирии? – задал ехидный вопрос редактор.

– Собственно говоря, – пробормотал, сконфузившись, депутат, – это не то что мой родной дядя. У нас в Башкирии дядями – соседней зовут. Дядя – сосед, а тетя – соседка.

– А бабушка? – поставил вопрос ребром редактор.

– Бабушка, это – если из другой деревни... – промямлил башкирец.

– Муссолини тоже очень популярное имя у русских рабочих, – поспешно заговорил глава делегации Варсонофий Тыква, чтобы переменить тему. – Пастух у нас на селе

– симпатичный такой старичок, так прямо про него и выражается: ессе, – говорит!

– Классическое замечание! – расхохотавшись, сказал редактор. Образованный

старичок – пастух ваш. Вероятно, филолог?

– Юрист, – с готовностью подхватила депутатка Анна Чебоксарова, иваново-вознесенская текстильщица. – На прямой дороге в сенаторы был, а теперь...

– Мерзавцы! Подлецы! – грохотал Михаил Суворин – Тоже! "Плоды Просвещения" ставили... Вас надо ставить, а не "Плоды Просвещения"! Выставить всех рядом да – по мордасам, по мордасам, по мордасам...

– Не виноваты мы ни в чем, – угрюмо возражал Варсонофий Тыква, он же Коко Шаховской. – Случай тут, и ничего больше! Все хорошо шло – без сучка и задоринки. Но только мадам Кускова заговорила – прахом вся затея! По голосу ее, каналья, признал. "Я, – говорит, – раз вас на лекции слышал. Извините, говорит, – не проведете!"

– Подлецы! – процедил Суворин. – А Ренникова я...

Но Ренникова поблизости не оказалось. Он – Ренников – знал, что в случае неудачи Суворину опасно показываться. Рука у него тяжелая, а пресс-папье на письменном столе – еще тяжелее... Ол-Райт

"Дрезина", 1923, э 12 Михаил Булгаков. Птицы в мансарде Весеннее солнце буйно льется на второй двор в Ваганьковском переулке в доме э 5, что против Румянцевского музея.

Москва – город грязный, сомнений в этом нет, и много есть в ней ужасных дворов, но такого двора другого нету. Распустилась под весенним солнцем жижа, бурая и черная, и прилипает к сапогам. Пруд из треснувших бочек! Помои и шелуха картофельная приветливо глядят сквозь сгнившие обручи. А в углу под сарайчиками близ входа в трехэтажный флигель с пыльными окнами желтыми узорами вьются человеческие экскременты.

На Пречистенке час назад из беловатого чистого здания, где помещается Мпино, вышел молодой человек в высоких сапогах и засаленной куртке и на вопрос:

– А где же, товарищ, это самое ваше общежитие?

– Валяйте прямо на Ваганьковское кладбище!

– Что это за глупые шутки!

– Да вы не обижайтесь, товарищ, – моргая, ответил человек в сапогах, это я не вас. Так мы называем общежитие. Садитесь на трамвай э 34, доедете до Румянцевского музея. – Он указал рукой на восток, приветливо улыбнулся и исчез.

И вот этот двор. Вот и флигель серый, грязный, мрачный, трехэтажный. По выщербленным ступенькам поднимался, по дороге стучался в неприветливые двери. То на двери: "типография", то вообще никого нет. И ничего добиться нельзя.

Но вот встретилась женская фигурка, вынырнула из какой-то двери, испытующе поглядела и сказала:

– Выше.

Выше дверь, потом мрачное пространство, а дальше за дощатой дверью голоса:

– Войдите!

Вошел.

И оказался в огромной комнате, т.е., вернее, не комнате, а так – в большом, высоком помещении с серыми облупленными стенами. И прежде всего бросился в глаза большой лист на серой стене с крупной печатной надписью "Тригонометрические формулы" и открытое окно. Ветер весело веял в него.

Посредине помещения был длинный вытертый засаленный стол, возле него зыбкие деревянные скамьи. По стенам под самыми окнами стояли железные кровати с разъехавшимися досками. На них кой-где редульки, старенькие одеяла, кое-где какой-то засаленный хлам грудями, тряпье, пачки книг. Лампочка на тонкой нити свешивалась над столом, довершая обстановку. Все.

И было шесть молодых людей, глядевших во все глаза.

Когда все недоумения уладились и состоялось знакомство, все расселись на скамьях и полились речи.

– Но ведь печки же нет... как же топить? – робко спрашивал я.

– Нет! – хором перебивали голоса, – печка есть, но мы ее сняли теперь. Вон она

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
где, проклятая, стояла! Вон.

На полу, на память от печки, чернело круглое выжженное пятно.

- Почему она проклятая? Не греет разве?

- В том-то и беда, что греет!! - загремели голоса. - Как ее затопишь, сейчас же 3 градуса, и шабаш. Пропали мы тогда!

- На нос, - сказал курносый строго.

- Капает!! - ревели голоса, - капает со стен и с потолка. Течет, тает, как весной.

- На книги льется, главное.

- Неприятно жить. Оттепель.

- Курьезная печка, - задумчиво сказал блондин, - дымит, как сволочь. А между тем дымить ей не следовало. Тяга хорошая, приладили мы ее как следует, - он испытующе поглядел куда-то вверх, в ободранный пятнистый угол в потолке, - но дымит. По неизвестной причине.

- И дымит, знаете ли, как-то особенно. Дым знаменами по всей комнате.

Синий-пресиний. А глаза красные.

- Не топить - здоровее, - сказал бас.

- Только тогда немного холодно, - спорил блондин, - встанешь, а в тазу лед.

Кулаком проломишь, под ним тогда вода. Холодная такая.

- Умывальника абсолютно нет.

- У вас вообще ничего нет! - укоризненно сказал я. - За этой дверью что?

- Тут отдельное помещение. Комната. Зимой мы в ней поместили одного нашего. Вот, говорим, будет тебе отдельная комната. Ну, он два дня прожил, потом выходит, говорит: "Ну вас к чертовой матери с вашим отдельным помещением". Вещи вытащил и сюда переехал, говорит: "Вы тут дышите, это совсем другое дело". Ну он вообще слабого здоровья. Изнеженный. У него насморк был. Так мы устроили в отдельном помещении кладовку. Муку положили.

- Это все проклятая фотография.

- При чем здесь фотография?

Оказалось, что за стеной, где дверь в отдельное помещение, находится ателье. Оно вдребезги разбито, зимой ветер свистал в него. А стена тонкая, фанерная.

- Уборная-то по крайней мере у вас теплая?

- Как вам сказать... - задумался блондин. - Она, может, и теплая, но она, видите ли, не работает. Потому что трубы в ней промерзли и полопались. Так что она закрыта.

- Господи, твоя воля! Как же вы были зимой?

- А мы записались на чтение книг в Румянцевском музее. Там великолепная уборная. Ну, а ночью, когда музей закрыт, на Пречистенский бульвар ходили. Или так вообще...

Блондин загадочно повертел пальцами и указал в раскрытое окно, сквозь которое вместе с ветром влетал пока еще слабый и смутный запах второго ваганьковского двора,

- Черт знает что такое!

- Теперь что! - грянули собеседники, - благодать! Весна! Самое главное - вышибли печку, будь она проклята. А уборная - она оттает.

- На какого дьявола тут эти трубы. И вообще, что было раньше в этом сарае?

- Это не сарай, - хором обиделись эмпиновцы, - здесь - мастерская раньше была.

Но теперь все, конечно, в ветхость пришло. Вообще не ремонтируется. Никто внимания не обращает.

- За загородкой что?

- Там еще четверо наших. Там хорошо.

За загородкой было, действительно, неизмеримо лучше. Напоминало ночлежку. Были четыре кровати с одеялами и даже картинки на стене. И черная печка.

- А где студентки помещаются?

- Студентки ниже.

Всей компанией затоптали вниз по лестнице, по дороге заглянули в уборную. Гадость неопишуемая.

Студентки были ошеломлены появлением всей компании с неизвестным лицом во главе.

- По поводу чего? По какому поводу? - добивались они.

И лишь одна сидела на сундуке и шила. По лицу ее блуждала скептическая улыбка.

- Осмотреть? Прекрасно! Осмотрите!

- Чего тут смотреть! Общежитие дайте! Вот что!

- Я, товарищи, не могу, к сожалению, вам дать общежитие... Описать могу...

Скептическая улыбка заиграла сильнее у сидящей на сундуке.

У студенток было чуть-чуть лучше, нежели у студентов. Во-первых, висел какой-то рыжий занавес, напоминающий занавес в театральной студии; во-вторых, кровати были как-то уютнее и приличнее застланы! Видна женская рука.

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
В остальном одинаково со студентами. Собачий холод зимой, та же беготня в Румянцевский музей за надобностями, ничего общего с прямым назначением музея не имеющими.

Вслед мне пел дружный хор мужских и женских голосов, как в фуге Баха:

- Общежитие нужно!..

- Вы напишите!

- Нужно!

- Здесь невозможно жить! Общежитие!..

Живуч эм-пиновец-студент! Живуч, черт возьми! Но меня, например, если бы озолотили и сказали: "живи на Ваганьковском кладбище, за это педагогом будешь". Не согласился бы. "Голос работника просвещения", 1923, э 7-8. Михаил Булгаков. Рабочий город-сад (Закладка 1-го в Республике рабочего поселка) ИСТОРИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ Мысль организовать под Москвой рабочий поселок зародилась у группы служащих и рабочих 3-х крупных предприятий: завода "Богатырь", электрической станции "86 года" и интендантских вещевых складов.

Это было еще в 1914 году. Конечно, никакого города создать при старом правительстве не удалось. В 1917 году, когда вспыхнула революция, мысль о поселке вновь окрепла. Но временное правительство утвердило устав поселка "Дружба 1-го марта 1917 года", отстроило великолепный поселок на канцелярской бумаге, и этим дело и кончилось. Двинулось оно дальше с октябрьским переворотом. Наркомзем, выяснив всю важность создания рабочего поселка, пошел навстречу инициативной группе и в 1918 году на Погонно-Лосином острове, у станции Перловка, отпустил 102 десятины земли.

Это был слишком лакомый кусок, и создателям города пришлось вести большую войну с губернским лесничеством, потом с уездным и, наконец, с окрестными кулаками-крестьянами. Землю удалось отстоять при помощи Наркомзема. Только в конце 21-го года инициативная группа почувствовала себя прочно. Совнарком отпустил ссуду в 10 миллиардов.

Тогда инициаторы этого огромного дела, во главе которого стоял и, не покладая рук, работал Сергей Шестеркин, бывший смазчик на заводе "Богатырь", приступили к практическому осуществлению своей заветной мысли. ЧТО ТАКОЕ ГОРОД-САД?

На 102 десятинах земли на средства, собранные путем взносов рабочих, желающих поселиться, будут построены домики по образцу английских. Среди домов, предназначенных для семейных, будут общежития для холостых. Будет собственная электрическая станция, школа, больница, прачечные. Поселок рассчитывается на полторы тысячи человек. К концу этого года организаторы полагают поселить в нем первых 200 человек рабочих и служащих с "Богатыря", с электрической станции и вещевых складов. РАБОТЫ ПО УСТРОЙСТВУ

Правление закупило старые дачи на Лосином острове и приступает к переносу их на территорию города. Начинаются работы по выкорчевыванию площади, начаты постройки. ТОРЖЕСТВО В ПЕРЛОВКЕ

Приходящие на станцию Перловка из душной Москвы поезда выбрасывают на платформу группы гостей. Мимо домиков, тонущих в сосновой зелени, все идут к даче быв. Сергеева. Веранда ее украшена зеленью, и далеко кругом разносятся звуки музыки. У входа плещутся красные флаги.

В 3 часа все съехались. На террасе, битком набитой будущими жителями города-сада, наступает тишина.

Шестеркин приветствует приехавших гостей.

Выступает т. Дивильковский, помощник управляющего делами Совнаркома, и говорит: - Мы не можем не выразить удивления и восхищения той энергии, которую проявили организаторы первого в республике рабочего города. Несмотря на все тяжести дикой разрухи, которую мы переживаем, им удалось преодолеть все препятствия и осуществить свою заветную мысль: дать возможность рабочим жить не в чердаках и подвалах, в которых они задыхались всегда, а в зелени, в просторе и чистоте. Да здравствует энергия пролетариата! Да здравствует Советская власть, которая позволила осуществить прекрасную идею!

Вслед за Дивильковским говорят приветствия другие гости: член РКП Вознесенский, председатель уездного совета, представитель от МКХ, от Центросоюза.

После каждой речи гремит "интернационал". ЗАКЛАДКА ПОСЕЛКА

Рабочие, служащие, гости строятся в ряды, впереди колышатся красные плакаты, и все идут к месту закладки, где уже выделен первый фундамент.

Опять говорят речи, и после них т. Дивильковский закладывает в фундамент первого здания в рабочем городе металлическую доску с вырезанной на ней надписью: Михаил Булл. "РСФСР. 1922 года, мая, 28-го дня, произведена закладка поселка "Дружба 1-го марта 1917 года" - рабочего города-сада. Правление". Газета "Рабочий", 30 мая 1922 г. Михаил Булгаков. Советская инквизиция Из записной

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru книжки репортера I Последнее, заключительное злодейство, совершенное палачами из ЧК, расстрел в один прием 500 человек, как-то заслонило собою ту длинную серию преступлений, которыми изобиловала в Киеве работа чекистов в течение 6 - 7 месяцев.

Сообщения в большевистской печати дают в Киеве цифру, не превышавшую 800 - 900 расстрелов. Но помимо имен, попавших в кровавые списки, ежедневно расстреливались десятки и сотни людей.

И большинство этих жертв остались безвестными, безымянными... Имена их Ты, Господи, веши...

Кроме привлечшего уже общественное внимание застенка на Садовой, 5 большинство убийств, по рассказам содержащихся в заточении, производилось в темном подвале под особняком князя Урусова на Екатерининской, э 16.

Несчастные жертвы сводились поодиночке в подвал, где им приказывали раздеться догола и ложиться на холодный каменный пол, весь залитый лужами человеческой крови, забрызганный мозгами, раздавленной сапогами человеческой печенью и желчью... И в лежащих голыми на полу, зарывшихся лицом в землю людей, стреляли в упор разрывными пулями, которые целиком сносили черепную коробку и обезображивали до неузнаваемости.

Многие из заключенных, впрочем, передают о грозе киевской чрезвычайки, матросе Терехове, излюбленным делом которого было - продержатъ свою жертву долгое время в смертельном страхе и трепете под мушкой, прежде чем прикончить ее. Этот советский Малюта Скуратов, стреляя в обреченных, нарочно давал промах за промахом и только после целого десятка выстрелов, раздроблял им голову последним...

Отсылка в ужасный подвал также часто практиковалась как особый вид утонченной пытки с целью вынудить у заключенного нужное признание или показание. Пытаемого держали голым на холодном скользком полу под прицелом и "неудачными" выстрелами час и более... И как часто бывало, что после этого молодые и цветущие люди возвращались в камеру поседевшими стариками, с трясущимися руками, с дряблыми поблекшими лицами и помутневшими глазами...

Таким путем собирались показания заключенных. А вот случай, показывающий, какие меры применялись в ЧК для пресечения попыток к побегу заключенных. Содержавшийся в одной из камер товарищ прокурора Д., выведенный однажды на допрос, сделал попытку бежать и был застрелен своим конвоиром. В назидание остальным заключенным из той же камеры труп Д. был повешен снаружи над самым окном камеры, где висел несколько дней с надписью: "Так будет со всяким, кто попытается бежать".

Горячечно-бредовым пятном представляется дело чиновника Солнцева.

Солнцев без всяких улик и оснований был заподозрен желанием взорвать склады снарядов и пороховые погреба в Дарнице. В течение нескольких недель его изо дня в день подвергали чудовищным, бесчеловечным пыткам и истязаниям, в результате которых он сошел с ума. И потом, больного, с помутившимся рассудком, умирающего, мятущегося, в последнем градусе сумасшествия, Солнцева расстреляли на виду у группы других заключенных, арестованных по тому же делу...

Молодой студент Бравер, фамилия которого опубликована четырнадцатой в последнем списке, был приговорен к расстрелу в порядке красного террора как сын состоятельных родителей. Над несчастным юношей беспощадно издевались как над "настоящим, породистым буржуем", в последние дни его несколько раз в шутку отпускали домой, а в самый день расстрела, дежурный комендант объявил ему об "окончательном, настоящем" освобождении и велел ему собрать вещи. Его выпустили на волю...

Но лишь только обрадованный и просветлевший юноша переступил порог страшного узилища, его со злым хохотом вернули обратно и повели к расстрелу...

Но подобных фактов, надо думать, десятки и сотни. И комиссия по расследованию кровавых преступлений чекистов должна раскрыть их, собрать воедино и дать полную картину инквизиторской "работы" советской опричнины.

Мих. Б. II в "работе" чекистов поражает не только присущая им рафинированная, утонченно-садическая жестокость. Поражает всеобщая исключительная бесцеремонность в обращении с живым человеческим материалом. В глазах заплочных дел мастеров из ЧК не было ничего дешевле человеческой жизни.

По рассказам лиц, побывавших в чрезвычайке, нередко бывали случаи, когда люди расстреливались просто для округления общей цифры за день, для получения четного числа и т. д.

Весьма часты также бывали случаи, когда заключенные расстреливались без всякого допроса. Случалось, что арестованный просиживал месяц, полтора и более в заточении - никто не допрашивал его, никто не вспоминал о нем, пока в один прекрасный день неожиданно не вызовут и сразу не поведут на убой...

В канцеляриях ЧК постоянно велись две книги, из которых одна называлась "книгой

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru прихода", а другая – "книгой расхода". В первую вносились фамилии арестованных по мере их прибытия, во вторую – фамилии лиц, расстрелянных чрезвычайкой. Совершенно отдельно велся перечень выпущенных на свободу. Сообразно с этим в обиходе палачей из ЧК не существовало слова "расстрелять"; вместо него жаргон чекистов ввел слово – "израсходовать": такой-то "пущен в расход", его "израсходовали" и т. д.

Имели также место в советских застенках случаи расстрела "по ошибке". Таким роковым образом, например, по показанию родных был расстрелян народный учитель – украинец из Васильковского уезда Антон Прусаченко вместо своего однофамильца Андрея Прусаченко, обвинявшегося в бандитизме.

Слободской еврейке Дорфман "центральный исполнительный комитетом" было выдано удостоверение в том, что она "пользуется правом на получение единовременного пособия из советской казны в размере 5000 рублей, так как муж ее случайно (sic!) был расстрелян" киевской губернской чрезвычайкой. Дорфман, задержанный за спекуляцию "царскими" деньгами, был расстрелян вместо некоего Дорстмана, немца-колонииста, обвинявшегося в участии в одном из партизанских отрядов на Волыни. Ошибка была исправлена тем, что немедленно по ее обнаружении приговор был вторично приведен в исполнение, на этот раз уже над настоящим Дорстманом. Впрочем, мы будем несправедливы, если скажем, что человеческие головы совершенно уж ни во что не ценились чрезвычайкой. Когда красноармейский отряд при ЧК отказался приводить в исполнение слишком участвовавшие смертные приговоры своего начальства, была составлена специальная группа расстреливателей, куда входили, по преимуществу, китайцы и латыши, в том числе четыре женщины: "пресловутая" Роза Шварц, некая Егорова и две латышки, фамилии которых пока еще не выяснены. Кровавым "спецам" было положено по 100 рублей за каждую голову, и бывали среди них такие, которым иной раз случалось за ночь "выработать" от 1000 до 1500 рублей. Некоторые заключенные передавали о китайце Ниянь Чу, который таким "трудом" скопил себе довольно круглый капитал. Достояния внимания совершенно новая для нашего времени, но известная история средних веков, чисто инквизиционная, процессуальная форма расследования, широко практиковавшаяся следователями из ЧК. Обвинение предъявлялось не только за то или иное реально совершенное деяние, не только за покушение или обнаруженный умысел, но также за совершенно несодержательное преступление, которое, по некоторым предположениям, лишь "могло быть совершено" данным лицом.

Вот, например, момент из допроса местного профессора-историка С***, который содержался свыше месяца в ВУЧК по подозрению в сношениях со штабом ген.

Деникина:

– Вам ген. Деникин известен лично, вы знакомы с ним или нет? спрашивает следователь.

– С именем ген. Деникина я, как всякий интеллигент, знаком по газетам, лично же я не имею чести быть знакомым с ним.

– Да, но ведь ваше звание и положение этого не исключают, хотя фактические данные как будто и не дают достаточных подтверждений.

Далее следователь-чекист прочитывает целый перечень лиц, занимающих видные посты в штабе главнокомандующего.

– А эти лица вам знакомы?

– В первый раз слышу о них.

– Собственно, у меня нет определенных данных, говорящих за то, что вы были знакомы и поддерживали связь с этими лицами, но у меня также нет основательных доказательств, что вы их совершенно не знаете. А при таком положении, согласитесь, не исключена же возможность, вы ведь могли...

– В чем же, собственно, я обвиняюсь? Как вы формулируете обвинение против меня?

– прервал профессор.

– В том, что, будучи знакомым и находясь в связи с ген. Деникиным и его ближайшими сотрудниками, вы доставляли им сведения о военном положении; или, ежели это положение фактически не подтвердится, то в том, что вы могли это сделать. Ведь вы – профессор, а профессора, известно, по своим убеждениям не левее кадета, значит, вы, несомненно, деникинец, а потому более чем вероятно, что вы находились в связи с генералом Деникиным и передавали ему нужные сведения...

Спустя несколько дней после этого допроса С*** только на основании столь рискованных логических построений был приговорен к расстрелу, от которого спасся лишь благодаря чисто случайному стечению обстоятельств, не имевших прямого отношения к его делу.

Мих.Б. III Играя роль "культурных и гуманных" деятелей, Раковский и Мануильский, как передают заключенные, иногда пытались сдержать кровавый пыл чрезвычайки, но Лацис, игравший роль маленького фуке Тиенвилля и находящийся в неприязненных отношениях с "предсовнаркомом" и его заместителем, стремился всегда идти своей

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru дорогой, принимал меры к тому, чтобы вывести об арестах видных в городе лиц не доходили до "совнаркомовцев" и чтобы вынесенные приговоры исполнялись без промедлений в самом ускоренном порядке.

Среди многих, содержащихся в заключении, существует уверенность, что "трения" эти сыграли свою роковую роль в деле убийства покойного В.П. Науменко. Лацис и его приближенные боялись, что "мягкий человек и дипломат" Раковский под влиянием хлопот извне примет какие-либо меры к спасению В.П., и потому-то вся процедура ареста, допроса и расправы с покойным была проделана с такой исключительной быстротой и поспешностью...

В концентрационном лагере при киевской чрезвычайке долгое время содержался некий Ясинский, молодой судебный следователь из Москвы, сын очень богатых родителей. По общему признанию заключенных, это был душевнобольной ненормальный человек. Его манией было желание продать родовое имение, купить на вырученную сумму аэроплан и улететь на нем в Париж. Советская охранка в этом ребяческом больном бреде усмотрела скрытые заговорщицкие планы.

Перед уходом большевиков из Киева "товарищ" Мануильский, назначенный председателем комиссии по разгрузке мест заключения, посетил концентрационный лагерь, обратил свое внимание на нервнотрясающего Ясинского и обещал на следующий день лично рассмотреть его дело. Узнав об этом, комендант ВУЧК Алтохин на рассвете следующего дня явился в автомобиле и поспешно увез Ясинского во всеукраинскую чрезвычайку, где он в тот же день был расстрелян...

В одной из камер ВУЧК вместе с "контрреволюционерами" и "заклятыми врагами советской власти" сидел инспектор всероссийской чрезвычайки, persona grata, специально присланная Лениным из Москвы для ревизии чрезвычайок на Украине. Причиной такого внимания послужила излишняя зыскательность и ревностность, проявленная им при рассмотрении делопроизводства ЧК, в особенности в деле матроса Пиранова - убийцы киевского художника проф. Мурашко. "Ревизор" Ленина настоял на расстреле бандита Пиранова вопреки решению Лациса и Ко, находивших, что элементы вроде Пиранова особенной опасности для общества не представляют. Такого рода линия поведения московского "ревизора", проявленная им в целом ряде дел, была признана нежелательной и даже опасной, и он был временно "изъят из обращения" в целях усыпления излишней пытливости...

Интересный случай из закулисной жизни чрезвычайки, случай, вполне подходящий для "романа загадочных приключений", рассказал нам проф. С., просидевший долгое время в ВУЧК.

Однажды к ним в камеру под усиленным конвоем доставили группу арестованных, состоявшую из молоденькой сестры милосердия, врача в военной форме и помощника коменданта всеукраинской чрезвычайки Никифорова, слывшего за одного из наиболее жестоких застрельщиков в ВУЧК.

Из расспросов доктора и сестры милосердия выяснилась такая картина. Во всеукраинской чрезвычайке содержалась в заточении польская графиня М., которая была приговорена "коллегией" ВУЧК к расстрелу. Приведение приговора в исполнение было поручено Никифорову. И вот на сей раз, вопреки своей обычной меткости и точности, палач Никифоров только подстрелил свою жертву, слегка ранив ее. После этого М. в глубоком обморочном состоянии была свалена на "покойницкую тележку" вместе с трупами убитых. Но это не было ошибкой или случайностью. По дороге за город телега остановилась у одной из больниц на Печерске. М. была снята, ей была сделана перевязка, и она бесследно и счастливо скрылась при помощи поджидавших ее друзей...

Одновременно с бегством графини М. из кабинета Лациса пропало также большинство документов по ее делу. Сам Никифоров по этому поводу говорил заключенным, что он к документам никакого отношения иметь не мог, так как ключей от своего кабинета Лацис никому не доверял...

Каково же было всеобщее удивление, когда через несколько дней все трое - и врач, и сестра, и Никифоров, были в спешном порядке выпущены на волю, как передавали, по приказу самого Лациса...

Злая молва среди заключенных по этому поводу утверждала, что Лацис, ставший в результате загадочного приключения с графиней М. обладателем большого состояния, смягчился душой и первый опыт своего милосердия проявил на одном из любимых опричников своих Никифорове...

Мих. Б. "Киевское эхо", август-сентябрь 1919 г.
Публикация Григория Файмана

("Конец века" э 4) Публикуется по републикации в еженедельнике "Литературные новости".
эб, 1994 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Заметки и миниатюры. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!